

Андрей Белый и А. М. Ремизов. Переписка

*Вступительная статья,
публикация и комментарии А. В. Лаврова*

В истории русской художественной прозы фигуры Андрея Белого (1880—1934) и Алексея Михайловича Ремизова (1877—1957), соизмеримые по своему масштабу и литературному значению, оказываются рядом. Их произведения могут восприниматься и осмысляться как две версии построения модернистского повествовательного текста, одновременно схожие между собой и контрастные друг другу, — построения, в котором привычные прагматические сюжетно-стилевые парадигмы оказываются управляемыми и видоизменяемыми ритмико-поэтической стихией и обогащаемыми форсированной лексической инкрустацией. В результате возникает особый тип организации образно-синтаксического ряда, который — при всех бесконечных частных модификациях и вариантах — получит в творческой практике литературного поколения, следовавшего за Белым и Ремизовым и ориентировавшегося на их опыт, определение «орнаментальной прозы».

«Орнаменталистские» стиливые тенденции станут доминирующими в русской прозе 1920-х гг. и тогда же будут осмыслены в их генезисе: имена Белого и Ремизова не раз прозвучат рядом. Томас Байер в своей статье, раскрывающей историю взаимоотношений двух писателей, приводит несколько таких суждений.¹ Параллели между Белым и Ремизовым как двумя преобразователями традиционного «беллетристического» повествования не раз проводил Виктор Шкловский. Глеб Алексеев заключал: «Я никогда не видел

¹ См.: Beyer T. R. Russia's Odd Couple: Andrej Belyj and Aleksej Remisov // Russian Literature. 2005. Vol. LVIII — I/II (Special Issue: Andrej Belyj — On the Occasion of His 125th Birthday). P. 1—27.

раньше человека, до такой степени влюбленного в слово. Если А. Белого волнует происхождение слова, его ритмика, его музыка, для Ремизова: слово — самоцель. У Ремизова оно живое...»² Илья Эренбург в мемуарах, касаясь первых послереволюционных лет, писал: «Как некоторых моих литературных сверстников, меня соблазнили ритмическая проза Андрея Белого и причудливый синтаксис Ремизова»; «...на развитие нашей прозы повлияли Андрей Белый и А. М. Ремизов (...). В 1921—1922 годах в литературу вошли молодые советские прозаики — Борис Пильняк, Всеволод Иванов, Зощенко, многие другие; почти все они пережили увлечение Андреем Белым или Ремизовым».³ Эренбург приводит также цитату из письма М. Горького к К. А. Федину (начало сентября 1922 г.): «...не поймите, что я рекомендую вам Белого или Ремизова в учителя — отнюдь! Да, у них — изумительно богатый лексикон, и, конечно, это достойно внимания (...). Но — ищите себя».⁴

Факт воздействия Андрея Белого и Ремизова, двуединого и порознь, на русскую пореволюционную прозу был многократно отмечен современниками и осмыслен исследователями.⁵ Меньше внимания уделялось сопоставлению художественных миров двух корифеев русского модернизма, обнаружению черт творческого взаимовлияния. Констатировались либо самые общие параметры — например, манифестация основ орнаментальной стилистики в «Серебряном голубе» и «Петербурге» Белого, а также в «Крестовых сестрах» Ремизова,⁶ — либо отдельные детали и штрихи, расцененные как цитаты или реминисценции: привидевшийся Маркулину («Крестовые сестры») пожарный, «нечеловечески огромный и в медной каске выше ворот», который отозвался в «Петербурге» (гл. 4, глава «Позабыла, что было») проносящейся перед

² Алексеев Г. Живые встречи. Берлин, 1923. С. 9. В ту же пору Д. П. Святополк-Мирский в обзорной статье «Русская литература после 1917 года» (The Contemporary Review. 1922. № 680. P. 205—211) рассматривает Белого и Ремизова параллельно — как прозаиков, вторгающихся в область поэзии, подчеркивает, что «лирическая риторика Ремизова и Белого восходит непосредственно к Гоголю» (цит. по русскому переводу М. В. Бондаренко: Русская литература. 1990. № 4. С. 127—128).

³ Эренбург И. Люди, годы, жизнь: Воспоминания; В 3 т. М., 1990. Т. 1. С. 378, 411.

⁴ ЛН. М., 1963. Т. 70: Горький и советские писатели: Неизданная переписка. С. 469.

⁵ См., например: Белая Г. А. Закономерности стилистического развития советской прозы двадцатых годов. М., 1977. С. 34—47.

⁶ См.: Szilárd L. Орнаментальность / орнаментализм // Russian Literature. 1986. Vol. XIX. С. 71—73.

Софьей Петровной Лихутиной «пожарной частью» и вестовым в «тяжелой медной каске»;⁷ или сходные черты в обрисовке «белого домино», образе-символе Христа («Петербург»), и образе Христа из романа Ремизова «Пруд»⁸ и т. д. Черты формального сходства произведений двух авторов восполняются и обуславливаются во многом близостью их мироощущения: «Стиль романов Андрея Белого и Ремизова представляет собой сочетание самодовлеющего формального эксперимента и острого чувства апокалипсической тревоги...»⁹ Наконец, решающую роль при определении контуров семантико-стилевого пространства, вмещающего в себя творческие миры Белого и Ремизова, играет их общий генезис: оба писателя были в огромной мере обязаны Гоголю, сознательно ориентировались на его творчество, как бы возобновляли, реинтегрировали Гоголя в самих себе, посвятили интерпретации и анализу произведений любимого автора целые книги («Мастерство Гоголя» Андрея Белого и «Огонь вещей» Ремизова).¹⁰ С другой стороны, Ремизов возводил истоки того литературного русла, в рамках которого развивалось творчество его и Белого, к более удаленной поре — к «плетению словес» Епифания Премудрого: «„Ренессанс“ конца 14-го и начало 15 века. Словоплетение: Епифаний Премудрый. О таком ренессансе можно говорить смело. Андрей Белый, Хлебников, Маяковский, примите и меня в эту словесную компанию» (запись от 19 ноября 1956 г.).¹¹ И в текущей литературной современности Ремизов, опять же, видел в Андрее Белом наиболее родственную

⁷ См.: Слобин Грета Н. Проза Ремизова 1900—1921. СПб., 1997. С. 112.

⁸ См.: Белый Андрей. Петербург / Изд. подгот. Л. К. Долгополов. СПб., 2004. С. 667—668. (Лит. памятники). Примеч. С. С. Гречишкина, Л. К. Долгополова, А. В. Лаврова.

⁹ Слобин Грета Н. Проза Ремизова... С. 12.

¹⁰ См.: Слобин Грета. Белый и Ремизов в борьбе за Гоголя модернистов: конец 20-х — начало 30-х годов // Алексей Ремизов: Исслед. и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 163—180 (Europa Orientalis). Ср. суждение В. Ф. Маркова об «Огне вещей»: «В том, что Ремизов говорит в нем о Гоголе, с ним равняется только Андрей Белый...» (Марков Вл. Неизвестный писатель Ремизов // Aleksey Remizov: Approaches to a Protean Writer / Ed. by Greta N. Slobin. Columbus, Ohio, 1987. P. 17).

¹¹ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, (1959). С. 302. В другом позднейшем высказывании (письмо к Н. В. и И. В. Кодрянским от 6 октября 1953 г.) Ремизов указывал еще на один общий источник: «Горький, Андрей Белый и я, мы вышли из «Лесов» Мельникова-Печерского» (Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 331). Сомнительное в отношении Белого, это соотнесение, однако, лишний раз свидетельствует о том, что Ремизов осознавал близость литературных путей, своего и Белого.

натуру, решавшую по существу те же самые творческие задачи, хотя и на свой лад: «...музыкальное начало одновременно у меня и у Андрея Белого, пример композиции „Пруда“. Я начинаю с лирического запева и перехожу к повествованию (это музыкальное начало песенное). Главы начинаются песенным мотивом, отсюда я называю запев (как бы поется) к каждой главе. Потом бросаю, но я это бессознательно, а у Андрея Белого очень сознательно — построил свои три симфонии музыкально (Андрей Белый выступил в „Симфонии“, а я в „Пруде“)».¹²

Сравнительный анализ творчества Андрея Белого и Ремизова — большая, особая тема, раскрытие которой не входит в нашу задачу, равно как и подробное рассмотрение перипетий взаимоотношений двух писателей (в частности, и потому, что таковое уже предпринято в указанной выше статье Томаса Байера). Вводя в читательский оборот переписку Белого и Ремизова, не имевшую регулярного характера и продиктованную зачастую случайными, внешними причинами, мы остановимся лишь на некоторых аспектах, проясняющих тональность и стилистику этой переписки, и на некоторых обстоятельствах, существенных в истории контактов Белого и Ремизова, но в переписке надлежащего отражения не нашедших.

Если доверять свидетельствам Белого, то Ремизов был его дальним родственником (согласно мемуарам П. Н. Зайцева, «однажды Борис Николаевич стал вспоминать, чтобы счесть родством с писателем Алексеем Михайловичем Ремизовым, что их отцовская родня из Киева шла от единого предка, Василия Бугаева»¹³), однако в детские и юношеские годы, проведенные в Москве, они не встречались. В письме к Н. В. Кодрянской от 6 октября 1953 г. Ремизов замечает, что вместе с Белым «учился в университете»¹⁴, но эти слова не соответствовали действительности: Белый поступил в Московский университет летом 1899 г., Ремизов же, бывший там вольнослушателем в 1895—1896 гг., после ареста в ноябре 1896 г. за участие в студенческой манифестации и последующих многолетних мытарств по тюрьмам и ссылкам в Московском университете более не объявлялся.¹⁵ Возможно, в этих указаниях обоих писателей на предысторию их общения таилось неосознанное

¹² Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 110.

¹³ Зайцев П. Н. Воспоминания. М., 2008. С. 105.

¹⁴ Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. С. 331.

¹⁵ См.: Грачева А. М. Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица: Биографич. альм. М.: СПб., 1993. Вып. 3. С. 419—447.

стремление подыскать какие-то внешние аналоги той внутренней связи, созвучности, которую оба они в зрелые годы ощущали. В действительности же их знакомство состоялось уже тогда, когда оба были вполне сформировавшимися литераторами, — в Петербурге, в квартире Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, 3 декабря 1905 г.; дата указана в дневниковой записи Ремизова, включенной им в книгу «Кукха. Розановы письма»: «З. 12. У Мережковских. По-знакомился с Андреем Белым. Очарован. Безгрешный и чистый, — белый».¹⁶ Андрей Белый в ретроспективных записях неточно датирует это знакомство ноябрем 1905 г.: «...происходит встреча, сближение с А. М. Ремизовым и С. П. Ремизовой».¹⁷

В мемуарах Белый так воссоздал сцену их знакомства:

«Никогда не забуду я первую встречу свою с А. М. Ремизовым; он меня — напугал; <...> вхожу я в гостиную Мережковских, — и вижу: с дивана привстал очень маленький сутуловатый такой господин; и сверля из-под стекол очков пронизательным взглядом, с усмешечкой сказал он:

— „Я — знаю вас!“

Сделав из пальцев руки то, что детям показывают („Козу“), он, согнувшись, стал наступать на меня, приговаривая:

— „Вот — коза, коза!“

А З. Н. рассмеялась:

— „Ну — вот познакомьтесь; это вот — „Боря“, а это вот — Алексей Михайлович“».¹⁸

С новыми ремизовскими эскападами Белый соприкоснулся уже на следующий день, у В. В. Розанова. Дневниковая запись Ремизова, перенесенная в «Кукху», оповещает:

«4. 12. Именины Варвары Димитриевны Розановой.

— Сыт, пьян и нос в табаке! — вот как полагается.

Вымазал я нос табаком Вяч. Иванову. А после ужина перевернул с помощью именинницы качалку с Н. А. Бердяевым. Бердяев ничего, только кашлянул, а Андрей Белый от неожиданности финик проглотил».¹⁹

Описывая в мемуарах и эти проказы, Белый признается, что поначалу поведение Ремизова его сильно обескуражило («экивоки,

¹⁶ Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2002. Т. 7: Ахру. С. 56.

¹⁷ Белый Андрей. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 31 об.

¹⁸ Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 191—192. Более развернутое изложение этого эпизода — в воспоминаниях Андрея Белого «Между двух революций» (М., 1990. С. 64—65).

¹⁹ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 56.

смешочки писателя (...) не то — безобидны, не то — очень злы; и он сам не то — добренький, не то — злой; не то — прост, не то — хитрая „бестия“...», но он внял разъяснениям Гиппиус: «Алексей-то Михайлыч? Да это — умнейший, честнейший, серьезнейший человек, видящий насквозь каждого; коли он „юродит“ — так из ума». ²⁰

Встречи Белого с Ремизовым в декабре 1905 г. в конечном счете привели к их сближению. В мемуарах Белый признается: «Да, сперва очень-очень дичился А. М.; в его шуточках чудилось страшное что-то: но скоро я понял, что он очень крупный, что он очень добрый, прекрасный»; этому пониманию способствовало посещение ремизовского жилища, переполненного самодельными игрушками и всевозможными причудливыми предметами, оживлявшими мир низовой демонологии и будившими сказочное воображение: «Мое первое впечатление от посещения А. М. порассеяло „миф“, мною созданный: будто бы А. М. меня поддевает; сидел у себя он в платке: такой зябкий и маленький, — среди тряпочек, куколок, курьих лап; он казался монгольским шаманом; и выговаривал с очень тонкой усмешкой премудрые острые и глубокие домыслы; стало легко и уютно; шутил он претонко, перемежая усмешки с прозреньями; ясно блистали глаза его мягкостью, хоть... не без хитрости (...). Его полюбил крепко я с того дня: и люблю его крепко доселе». ²¹ У Ремизова Белый, как можно судить по приведенной выше записи о первой их встрече, сразу вызвал самое благоприятное чувство, которое только укрепилось в последующие дни (ср. запись Ремизова от 7 декабря 1905 г.: «У Вяч. Иванова (...). А. Белый изумительно читает стихи. Он не говорит, а поет — до самых до высоких нот: // пришел, пришел издалека // скиталец из Женевы»). ²²

Первые месяцы общения двух писателей проходили в общественной атмосфере революционного воодушевления, и для Белого, переживавшего тогда подъем радикальных настроений, было, разумеется, небезразлично, что новый его чудаковатый знакомый, вполне «свой» в кругу петербургских символистов, в то же время — выходец из среды последовательных борцов с правящим

²⁰ Белый Андрей. Между двух революций. С. 65.

²¹ Белый Андрей. Начало века. «Берлинская» редакция 1922—1923 гг. // РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 11. Л. 226, 227.

²² Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 57. Неточно цитируются начальные строки стихотворения Белого: «Опять он здесь, в рядах борцов. / Он здесь — пришелец из Женевы» (Белый Андрей. Стихотворения и поэмы. СПб.; М., 2006. С. 453. (Новая б-ка поэта).

режимом, пострадавший за свои действия и убеждения, близкий приятель таких легендарных фигур из Боевой организации эсеров, как Иван Каляев и Борис Савинков. «Героем, — вспоминает Белый, — казался мне Савинков, о котором я знал, что он тайно живет в Петрограде (о Савинкове я слышал от А. М. Ремизова и от З. Н. Гippiус)», — и тот факт, что «он», «кто разыскивается в Петербурге, кто стал во главе терроризма», тайно посещал Ремизова,²³ не мог его не волновать. Но все же главной причиной тяготения Белого к Ремизову были не эти «конспиративные» подтексты, а прежде всего определяющие черты личности нового петербургского знакомого. Безусловно, и Ремизов, еще до личного знакомства с Белым, готов был обрести в нем человека, близкого по душевному складу: едва ли бы он позволил себе столь нецеремониальные жесты при первой встрече с писателем, не имевшим в своем творческом послужном списке «симфоний», в которых повседневный московский быт преображался в игровую фантазмагию, не воспевавшим «игры кентавров» и «седовласого горбуна» с ананасом, запускаемым в небеса. Эксцентрическое начало в произведениях Белого провоцировало к соответствующей ему стилистике в личных взаимоотношениях, и, видимо, в общении его с Ремизовым было немало игровых эпизодов, не вписывавшихся в привычные нормы бытового поведения.²⁴

Уже в первом письме к Ремизову, от 10 января 1906 г., Белый отметил «подлинный» характер установившейся между ними связи, противопоставив ее контактам с многочисленными другими знакомыми — формальному общению с «сюртуками». Вразрез с этикетом, которому подчинялись «сюртучные пары», Белый и Ремизов, как можно судить по мемуарным свидетельствам и по тональности переписки, культивировали свой индивидуальный регламент — откровенно-доверительный, непринужденный, «домашний» стиль взаимоотношений, окрашенный отчасти естественным, отчасти наигранным инфантилизмом. Искренность и подчеркнутая дружест-

²³ Белый Андрей. Начало века. «Берлинская» редакция... Л. 225.

²⁴ Один из таких эпизодов запечатлен на листке, сохранившемся в архиве Ремизова; запись рукой Ремизова: «Не желаете ли, Борис Николаевич, заняться белочьею должностью?», ответ — рукой Белого: «Хочу стихи грызть» (справа — рисунок-шарж: мужская голова в профиль — видимо, нечто вроде автопортрета), пояснительная приписка Ремизова: «Это писал Андрей Белый, сидя под столом в последний день у Мережковских. Послезавтра они уезжают. 23 фев(раля) 1906» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 22. Д. С. Мережковский и З. Н. Гippiус отбыли из Петербурга за границу 25 февраля 1906 г.).

венность при этом у обоих сочетались с игровым началом, приобретавшим окраску своеобразного «юродства», посредством которого только и находили свое воплощение самые подлинные и потаенные душевные импульсы. Исповедь и маскарад сочетались в неразрывное двуединство, в полном согласии с канонами символистского «жизнетворчества». И если прибегнуть к аналогиям с масками, именно в ту пору использованными А. Блоком в «Балаганчике», то Ремизов всем своим стилем поведения и самовыражения, своими розыгрышами, двусмысленностями и эксцентриадами напоминал Арлекина, а Белый — по словам Ремизова, «взвихренный Андрей Белый, путающийся и кувыркаяющийся, разрывааемый окликающими голосами»,²⁵ — склонный к эмоциональной чрезмерности и трагической надрывности, походил на Пьеро — представ в 1906 г., благодаря своему неразделенному чувству к Л. Д. Блок, и на самом деле в амплу отвергнутого и униженного влюбленного.

Приобретая сразу вполне специфическую индивидуальную окраску, взаимоотношения Андрея Белого и Ремизова, завязавшиеся на рубеже 1905—1906 гг., вслед за тем интенсивного развития не получили: встречи писателей, постоянно живших вдали друг от друга, были нечастыми и, видимо, не особенно содержательными. Уже 20 мая 1906 г. Ремизов признавался в письме к Вл. Пясту: «Андрей Белый ушел куда-то. Я его не вспоминаю так, как раньше. Мне кажется, он чересчур писатель».²⁶ Противостояние символистской Москвы и символистского Петербурга, сказывавшееся сильнее всего в 1907—1908 гг., в отношениях Белого и Ремизова ничего не изменило: Белый со всей силой своего темперамента действовал как адепт «московской» группы, объединенной вокруг журнала «Весы», Ремизов же держался в стороне от фракционной полемики и с «петербуржцами» согласованно не выступал. Переписка между писателями возобновлялась лишь от случая к случаю, чаще всего по сугубо конкретному поводу. Один из примеров последнего — следующий недатированный документ:

Дорогой Алексей Михайлович!
Спасибо за книг(о)у.
Привет Вам.

Борис Б(о)угаев.²⁷

²⁵ Запись Ремизова в рабочей тетради (1950-е гг.) // Алексей Ремизов: Исслед. и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб., 1994. С. 221. Публ. А. Грачевой.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 405. Оп. 1. Ед. хр. 16.

²⁷ РНБ. Ф. 654. Ед. хр. 57. Л. 15.

Этот документ представляет интерес отнюдь не своим незатейливым содержанием. Обращение в нем к Ремизову в автографе воспроизведено глаголицей, остальной же текст — тайнописью, восходящей к записям второй половины XVII в., в которых обычные буквы заменялись различными формами угольников и четвероугольниками.²⁸ Зная об умении Ремизова писать на глаголическом алфавите, о его интересе к палеографии и древним письменам, Белый рискнул по мере возможности соответствовать своему корреспонденту в его увлечениях.²⁹

Эпизодичность и случайность личных встреч компенсировались у обоих писателей пристальным интересом к творчеству друг друга. И если Ремизов не выступал в печати с критическими разборами книжных новинок, то Андрей Белый постоянно публиковал рецензии на произведения своих современников; во второй половине 1900-х гг., в частности, были напечатаны четыре его отзыва о книгах Ремизова — о большей части отдельных изданий писателя, появившихся в 1907—1908 гг.

Самым сочувственным и даже восторженным был отклик Белого на первую книгу, выпущенную в свет под именем Ремизова, — сборник сказок «Посолонь» (М.: Изд. журн. «Золотое руно», 1907). Этот творческий опыт писателя Белый решил осмыслить в аспекте проблемы, живо обсуждавшейся тогда в символистской среде, — проблемы индивидуализма и путей его преодоления. «Посолонь» для него — попытка изживания индивидуализма посредством приобщения к народной мифологии; воскрешая «старые слова, старые представления», Ремизов «вкладывает в них тот эзотеризм переживаний, который никогда не расцвел бы так пышно, если бы перед ним не прошли мы период чистого индивидуализма. В глубине своей личности находит он старых богов».³⁰ Белый восхищается «безукоризненно отточенной формой», отличающей сказочные миниатюры «Посолони»: «Здесь каждая фраза звучит чистотой необычайной, музыкой стихийной. Много стихийности в творчестве Ремизова. (...) Но эта стихийность всюду покорена властным словом художника. Художник в Ремизове покоряет стихии. Оттого-то в „Посолони“ такая победа над формой. Каждая его миниатюра

²⁸ См.: Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л., 1929. С. 92—94.

²⁹ См.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 78—80.

³⁰ Критическое обозрение. 1907. Вып. 1. С. 35.

производит впечатление драгоценного камушка. Камушек искрится, переливается светом — любо-весело! Но чем больше вглядываешься в этот камушек, тем больше любишь филигранной работой, начинаешь ценить подбор фраз, упиваешься их музыкой, восхищаешься словами. Неологизмы тонко перемешаны с хорошими, забытыми русскими словами. Нет той неуклюжести в построении слов, которая претит нам даже у В. Иванова. Все у Ремизова легко, прозрачно, весело. Все улыбается будущим. Поблагодарим художника за ценный подарок русской словесности с тем большим удовольствием, что не часто приходится нам благодарить молодых писателей русских». ³¹

Исключительное достоинство «Посолони», по убеждению Белого, в том, что «стихийность», присущая творчеству Ремизова, здесь «всюду покорена властным словом художника». Те же произведения писателя, в которых «стихийность» властвует над художественным миром, покоряет его себе, вызывают у Белого критическую оценку — и в их числе самое пространное из ранних произведений Ремизова, роман «Пруд». В рецензии на отдельное издание «Пруда» (СПб.: Сириус, 1908), опубликованной в «Весах» (1907. № 12), Белый всячески старался сгладить свои оценки — и признанием большого таланта автора, и попытками воспроизвести ремизовские повествовательные интонации, и добрым словом о незадолго до того появившихся «Посолони» и «Лимонари» («Интересный писатель А. Ремизов! Как хороши его миниатюры из „Посолони“: это — ароматные травы, окропленные росой, сверкающие алмазами! (...) Не то „Лимонарь“: здесь какие-то строгие по строгому камню, строгие образы с забавными выкрутасами»), и даже дружескими намеками на те ситуации, которые возникали при их личном общении: «Ни слова простого не скажет Ремизов: здесь щипнет, там кивнет, там бочком подлетит, из пальцев козу сделает — козой-козой набегает, там *чебутыком* подкатится, и вдруг расплывается, разрыдается». ³² И тем не менее: «Надо и о „Пруде“ сказать что-нибудь. Ох, как не хочется! Лучше бы и не говорить о „Пруде“! Не нравится „Пруд“. Не сумел Ремизов „Пруд“ написать. Что ни говори, а Ремизову не удался „Пруд“». ³³ Причину неудачи Белый видит в том, что Ремизов использовал повествовательную технику,

³¹ Критическое обозрение. 1907. Вып. 1. С. 36.

³² Белый Андрей. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. М., 1994. Т. II. С. 426.

³³ Там же. С. 426—427.

приемлемую в миниатюрных жанровых формах, при формировании крупномасштабной композиции: «Вся беда в том, что 284 страницы большого формата расшил Ремизов бисерными узорами малого формата: это — тончайшие переживания души (сны, размышления, молитвы) и тончайшие описания природы. Схвачена и жизнь быта. Но схватить целого нет возможности (...). Рисунка нет в романе Ремизова: и крупные штрихи, и детали расписаны акварельными полутонами. Я понимаю, когда передо мной небольшая акварель. Что вы скажете об акварели в сорок квадратных саженей?»³⁴ «Конечно, есть отдельные сцены, — заключает Белый, — но ведь на то Ремизов и Ремизов, чтобы заставить нас плакать его слезами, хихикать его смешками, молиться его молитвами. Единственное оправдание „Пруда“ в том, что это — первая крупная работа талантливого писателя».³⁵

Следующая книга Ремизова, вышедшая в свет после «Пруда», — «Чертов лог и Полунощное солнце. Рассказы и поэмы» (СПб.: Eos, 1908) — была расценена Белым, опять же в «Весах» (1908. № 2), в целом достаточно высоко: «Раскройте любую страницу, и вы встретитесь с рядом фраз необычайной красоты, подъема необычайного». Упоминая о недостатках «Пруда», Белый признает, что эти недостатки присущи «Чертову логу» «в значительно меньшей степени», — напротив, налицо «кристальная ясность слога, четкость рисунка»: «Нам остается пожелать, чтобы талант Ремизова настолько же развился, насколько развился он в „Чертовом логе“ по сравнению с „Прудом“. Тогда история литературы русской приобретает еще новое, незабываемое имя».³⁶ Однако роман Ремизова «Часы» (СПб.: Eos, 1908) побудил Белого вновь к аналитическим оценкам, сходным с высказанными по поводу «Пруда». Фраза его в письме к Ремизову в дополнение к благодарности за присланный экземпляр романа: «Читаю с наслаждением» (п. 18) — свидетельствует о том, что в данном случае Белый либо поспешил отозваться «авансом», еще до знакомства с книгой, либо покривил душой. Рецензию на «Часы», опубликованную в «Весах», он подписал псевдонимом «Яновский» — скорее всего рассчитывая на то, что Ремизов не распознает подлинного автора и что их взаимоотношения после появления этого отзыва не омрачатся.

³⁴ Там же. С. 427.

³⁵ Там же. С. 428. В книге «Петербургский буерак» Ремизов, касаясь неприятия «Пруда» современниками, называет в числе «возмущавшихся» и Андрея Белого (Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 205).

³⁶ Белый Андрей. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. II. С. 430—431.

Вновь Белый не скупится на ритуальные похвалы: «А. Ремизов — один из первых стилистов наших дней. Мы чтим в нем одного из крупнейших художников», — и вновь высказывает серьезные претензии: «Но пока его стиль не нашел себе фабулы. То фабула съедается стилем, распадаясь, как в „Пруде“, на ряд бессвязных моментов, то стиль плетется за фабулой. (...) В романе „Часы“ нас встречают яркие страницы; в романе „Часы“ есть ряд трагических моментов. В романе „Часы“ удивительные стилистические фокусы. Но в целом роман „Часы“ не оставляет неизгладимого впечатления. Фабула перебита психологией. Психология перебита стилистикой. Стилистика разбита рублеными строчками à la Пшибышевский». Вопреки своим ранее высказанным надеждам на развитие в будущем сильных сторон дарования Ремизова, Белый решает на предположение о том, что писатель «никогда не откроет новых горизонтов»: «...нет у него полета, нет крыльев, рассекающих даль к новым чаяниям; оттого-то часто заемная в основном и лишь усовершенствованная в деталях техника его письма паразитирует на лирике его глубоко-страдающей души. Все это с особенной силой сказалось в „Часах“. Боюсь, как бы не представлял собою этот роман шаг назад, а не вперед, в творчестве уважаемого беллетриста. Вершинами его творчества остаются „Посолонь“ и „Чертов лог“».³⁷

Уже через год Андрей Белый убедился в том, что его тревожные прогнозы относительно творческих перспектив Ремизова не оправдались: выслушав в авторском чтении повесть «Неуемный бубен», он отозвался о ней однозначно восторженно.³⁸ Аналогичные впечатления вызвало у Белого одно из центральных произведений Ремизова 1910-х гг. — повесть «Пятая язва» (см. п. 36): по своему историософскому содержанию и художественной силе она, по мнению Белого, встает в один ряд с другим вершинным произведением литературной эпохи — стихотворным циклом Блока «На поле Куликовом».³⁹ Разумеется, Белый оценил в «Пятой язве» не только достигнутую согласованность «фабулы» и «стиля», ранее, в «Пруде» и «Часах», входивших в противоречие друг с другом, но и общую проблематику повести как произведения о тягостной и неизменно трагичной судьбе России и характер интерпре-

³⁷ Вesy. 1908. № 6. С. 67—68.

³⁸ См. воспоминания об этом в книге Ремизова «Петербургский буерак» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 194).

³⁹ Ср.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 123—124.

тации избранной проблематики: в этом отношении «Пятая язва» оказывалась во многом созвучной его собственным произведениям — книге стихов «Пепел» и роману «Серебряный голубь».

Национальное, «почвенное» начало было той болевой точкой, в которой Андрей Белый и Ремизов находили взаимопонимание, ощущали общность в тональности и содержании своих эмоций и вместе с тем обнаруживали непреодолимую дистанцию, отделявшую их друг от друга. Белому были глубоко понятны и всецело им разделялись та боль и то отчаяние, какие вынес Ремизов из своего познания повседневной российской действительности; недаром именно Ремизову он посвятил в «Пепле» большое стихотворение «Осинка», в котором описывается-оплакивается неприкаянный, обреченный на гибель «бобыль-сиротинка».⁴⁰ И в то же время Ремизов, глубоко укорененный в природной стихии русского языка, творчески более всего обязанный национальному фольклору, древнерусской культуре, литературной традиции, вбирающей в себя опыт великих и малых русских писателей XIX в., выступал для Белого выразителем совсем иных приоритетов и ценностей, чем те, на которые ориентировался он, идейно и эстетически в гораздо большей степени полоненный «западной» культурой. В свою очередь и для Ремизова Белый — при самом почтительном отношении к его творчеству — все же «гоголевский копиист со стрекотней Заратустры» («Огонь вещей», раздел «Звезда-полюнь»);⁴¹ ожидаемого сочувствия к волновавшей его проблематике и должного ее осмысления Ремизов в Белом в желаемой мере не встретил, о чем признавался в позднейшем письме к Н. В. и И. В. Кодрянским (6 октября 1953 г.): «Андрей Белый запутался в антропософии и трескотне Заратустры. О русском ладе, при всей его гениальности, он не понял меня — я с ним много разговаривал. Он мечтал стать Гоголем, но его задавили ученые немцы».⁴² Возможно, эта внутренняя межа сказалась и в отношении Ремизова к вершинному произведению Белого, роману «Петербург»: прямых критических высказываний его об этом произведении не зафиксировано, но со слов Иванова-Разумника известно, что Ремизов, бывший

⁴⁰ Белый Андрей. Пепел: Стихи. СПб.: Шиповник, 1909. С. 45. Посвящение было сохранено при включении «Осинки» в «Собрание стихотворений», подготовленное в 1914 г. для издательства «Сириус» (см.: Белый Андрей. Собрание стихотворений, 1914. М., 1997. С. 171. (Лит. памятники)), и в книге Андрея Белого «Стихотворения» (Берлин; Пб.; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1923. С. 154).

⁴¹ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 334.

⁴² Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. С. 331.

в издательстве «Сирин» ближайшим сотрудником, весьма почитаемым его учредителями, по меньшей мере прохладно реагировал на решение о публикации романа в сборниках «Сирина». ⁴³ Такая позиция, возможно, объяснялась неизжитой обидой на Белого, не сумевшего переубедить руководителей издательства «Мусaget», которое отвергло предложенную для публикации книгу Ремизова (см. п. 25—27), была своего рода ответной реакцией, но столь же вероятно, что в данном случае писатель исходил не только из внешних или сторонних соображений.

Разумеется, приобщение Андрея Белого в 1910-х гг. к антропософии Р. Штейнера, «ученого немца», не могло вызвать у Ремизова сочувствия и понимания, ⁴⁴ — но и в российских условиях революционного времени писатели оказались во власти весьма несходных между собою общественных настроений. Оба примыкали к «скифской» группировке, созданной Ивановым-Разумником, оба поддерживали с ним близкие дружественные отношения, но если Белый в 1917 г. всецело разделял революционно-максималистские установки, выдвинутые руководителем объединения, то Ремизов выступил совсем не в унисон с ними, провозгласив свое «Слово о гибели Русской Земли» — полифонический текст, ориентированный, в ряду других первоисточников, и на эсхатологические авторские прорицания Белого в «Петербурге». ⁴⁵

Наиболее тесно Андрей Белый и Ремизов сблизились уже не в России, а в эмигрантском русском Берлине, куда оба прибыли

⁴³ В письме к К. Н. Бугаевой от 1 июля 1934 г. Иванов-Разумник вспоминает о ситуации, сложившейся в 1912 г.: «...Блоку и мне (тогда — редактору изд-ва «Сирин») с великими трудами удалось протащить „Петербург“ сквозь Клавдинские теснины семьи Терещенок (издателей) и старания близкого к ним Ремизова не допустить этот роман в сборники „Сирина“; Блок и я — одолели...» (Минувшее: Ист. альм. СПб., 1998. Вып. 23. С. 440. Публ. В. Г. Белоуса).

⁴⁴ В архиве Ремизова сохранилась наклеенная на лист бумаги вырезка из «Синего журнала» (1913. № 24. С. 15) со статьей «Современные пророки (Письмо из Стокгольма)» за подписью: М. Х. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 12); в ней сообщалось о всемирном конгрессе теософов в Стокгольме и об отделении Штейнера и его последователей от основной группы теософов: «В Берлине д-р Штейнер устраивает религиозные мистерии, такие религиозные представления, которые должны помочь его ученикам постичь религиозную истину. Его окружают, между прочим, и наши соотечественники: (...) известный писатель Андрей Белый...» При статье были воспроизведены три фотопортрета — Р. Штейнера, Дж. Кришнамурти и Белого.

⁴⁵ См.: Грачева А. М. «Слово о гибели Русской Земли» А. М. Ремизова и его критик — Иванов-Разумник // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Публ. и исслед. СПб., (1998). Вып. II. С. 200—201.

осенью 1921 г. и откуда два года спустя Белый возвратился на родину. В статье Т. Байера «Странная российская пара: Андрей Белый и Алексей Ремизов» восстановлена подробная картина этих взаимоотношений на основании хроникально-документальных свидетельств о событиях берлинской культурной жизни; автор статьи выражает убежденность в том, что приезд Белого в Берлин стал для Ремизова главным стимулирующим началом для активизации его публичной деятельности: никогда, ни раньше, ни после отъезда Белого из Берлина, Ремизов не выказывал себя в литературно-общественных акциях столь энергично.⁴⁶ Взаимоотношения их в Берлине развивались, как и в России, в двух планах — в урегулированном церемониале «внешней» литературной жизни, среди «сюртучных пар», и в игровом пространстве, которое стараниями Ремизова обретало в очередной раз новые формы. В ремизовском житетворчестве, наиболее выразительно воплотившемся в изобретенной им Обезьяньей Великой и Вольной Палате («Обезвеволпале»), Андрей Белый и ранее был востребован к исполнению самых значимых и почетных ролей: числился в Палате как «старейший кавалер» и «митрофорный кавалер».⁴⁷ В Берлине он оказался причастен к вымышленному Ремизовым «свободному философскому содружеству» «Цвофирзон»,⁴⁸ принял также участие в мистифицирующих публикациях «Бюллетеней Дома Искусств» в Берлине (1922), инициированных Ремизовым.⁴⁹ Видимо, дружеское общение той поры привело к изменению в стиле отношений Белого и Ремизова: Н. Кодрянская свидетельствует, что Ремизов «только со Львом Исааковичем Шестовым и Андреем Белым был на ты»⁵⁰ (в их переписке доберлинского периода такое обращение не встречается). Памятником этого, самого интенсивного и в то же время заключительного периода их личных контактов стал изготовленный Ремизовым альбом, озаглавленный: «Рисунки Андрея Белого (в моей обрисовке) Алексей Ремизов», «Андрей Белый

⁴⁶ См.: Beyer T. R. *Russia's Odd Couple*. P. 10, 17.

⁴⁷ См.: Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 239, 338.

⁴⁸ См.: Ремизов А. М. Неизданный «Мерлог» / Публ. А. д'Амелиа // *Минувшее: Ист. альм.* Paris, 1987. Вып. 3. С. 201—203, 215—222.

⁴⁹ См.: Beyer T. R. *Russia's Odd Couple*. P. 11—15. Творческие судьбы Белого и Ремизова в пореволюционные годы параллельно рассмотрены в статье: Слобин Грета Н. Белый и Ремизов: «житетворчество» после революции // *На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова*. М., 2009. С. 625—637.

⁵⁰ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 92.

(1880—1934)» — дань памяти скончавшемуся в Москве писателю (на одном из листов указаны время и место создания альбома: «27. X. 1934, Париж»).⁵¹

Вопрошая в книге «Ахру», изданной в Берлине в 1922 г., «какое имя у молодой поросли русской» — литературной поросли, — Ремизов сам себе отвечает:

«Слышу — — Гофмана — Гоголя — Достоевского — — — А. Белого — — словарь — слово — »⁵²

По праву он мог бы добавить в этот ряд и свое имя.

Ремизов пережил Андрея Белого более чем на двадцать лет. Специального мемуарного или аналитического очерка о нем он не написал, но щедро рассыпал множество попутных замечаний и характеристик, позволяющих судить о том, какое место занял Белый в его внутреннем мире. Приведем лишь некоторые из этих высказываний. Из примечаний к главе «Три письма Горького» (книга «Петербургский буерак»): «Андрей Белый — Борис Николаевич Бугаев (1889—1934). Гениальный, единственный, весь растерзанный: между антропософией, Заратустрой и Гоголем. Синие дремучие глаза (портрет Бакста)». ⁵³ Из дневника (31 декабря 1956 г.): «Из всех моих современников Бердяев и Андрей Белый гениальны. (...) Мои старшие современники: Мережковский, Розанов, Шестов. Мои современники — Блок и Андрей Белый». ⁵⁴ Из письма к Кодрянским (6 октября 1953 г.): «...два самых мне близких из современников: Блок (Петербург) и Андрей Белый (Москва)». ⁵⁵ Из записей, опубликованных Кодрянской: «Крылатые Андрей Белый и Блок, а я с подрезанными на первый взгляд крыльями — где-то и чем-то мы соприкасались. Никогда не успокоенный, я чувствовал себя земляным, а Блока и Белого — небесными детьми». ⁵⁶

Основной корпус писем Андрея Белого к А. М. Ремизову хранится в фонде Ремизова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 57), там же (Ед. хр. 204) находится письмо, написанное совместно С. М. Соловьевым и Андреем Белым (п. 18). 3 письма Андрея Белого к Ремизову (п. 35, 36,

⁵¹ См.: Андрей Белый и Алексей Ремизов: Неопубл. материалы «библиотеки Федора Либана», Базель / Сообщ. Ф. Ф. Ингольда // Wiener slawistischer Almanach. 1987. Bd. 20. S. 169—185.

⁵² Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 20.

⁵³ Там же. Т. 10: Петербургский буерак. С. 288.

⁵⁴ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 305.

⁵⁵ Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. С. 331.

⁵⁶ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 128.

39) хранятся в фонде Ремизова в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 29), одно письмо (п. 21) — в коллекции И. М. Саркизова-Серазини в Отделе рукописей Государственного Литературного музея (ГЛМ. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 7. Приписка под текстом: «Поступило ко мне в 1930 г. Саркизов-Серазини. Москва»).

Основной корпус писем Ремизова к Андрею Белому хранится в фонде Андрея Белого в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ. Ф. 25. Карт. 22. Ед. хр. 5), одно письмо (п. 41) — в фонде Андрея Белого в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 254), еще одно (п. 42) — в Архиве-библиотеке Российского фонда культуры (Фонд А. Я. Полонского. Оп. 1. Ед. хр. 9).

Два письма Андрея Белого к Ремизову (п. 36, 39) ранее были опубликованы в составе обзора: Лавров А. В. Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 50—52. Остальные письма, входящие в публикацию, в полном объеме печатаются по автографам впервые; более или менее пространные цитаты из них приводились в различных изданиях: в комментариях к Собранию сочинений А. М. Ремизова в 10 томах, предпринятому издательством «Русская книга» (М., 2000—2003), в томах «Литературного наследства», посвященных А. Блоку и В. Брюсову (т. 92, 98), и т. п.

1. Ремизов — Андрею Белому

Петербург. 17 декабря 1905 г.¹

1905, 17 декабря.
СПб.

Дорогой Борис Николаевич!

Посылаю Вам 8 экз. «В(опросов) Ж(изни)», которые Вы хотели разнести по Москве.²

Вчера ко мне заходил с Биржи человек, сказывал: «Иван Великий закачался, и расщепился Царь-колокол на осколки махонькие, и каждый осколок в змея обернулся, и каждая змея поползла...»³

Кланяйтесь Зинаиде Николаевне
Димитрию Сергеевичу
Димитрию Владимировичу
Татьяне — Наталье Николаевнам⁴

А. Ремизов

¹ Написано на бланке конторы журнала «Вопросы жизни» (С.-Петербург. Седьмая Рождественская, д. 7).

² «Вопросы жизни» — ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге в 1905 г. (см.: *Корецкая И. В.* «Новый Путь». «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890—1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 229—231; *Колеров М. А.* Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902—1909. СПб., 1996. С. 63—132). Вероятно, речь идет о сдвоенном, октябрьско-ноябрьском номере журнала (№ 10/11), который был отправлен на квартиру Мережковских, где жил Белый в декабре 1905 г. (около 20 декабря он возвратился в Москву). Ремизов с февраля 1905 г. был служащим редакции «Вопросов жизни»; в книге «Кукха. Розановы письма» (1923) он вспоминал об этой поре: «Год 1905 я ничего не писал, отдавшись своему званию завхоза или домового, как тогда это называлось» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. Ахру. М., 2002. С. 38).

³ Ремизов передает мифологизированные слухи, порожденные вооруженным восстанием в Москве (8—19 декабря 1905 г.).

⁴ З. Н. Гиппиус (1869—1945), Д. С. Мережковский (1865—1941), Д. В. Филосов (1872—1940), сестры З. Н. Гиппиус — художница Татьяна Николаевна Гиппиус (1877—1957) и скульптор Наталья Николаевна Гиппиус (1880—1963).

2. Ремизов — Андрею Белому Петербург. 19 декабря 1905 г.¹

19 XII 1905

Дорогой Борис Николаевич!

Посылаю Вам четыре стихотворения Бориса С.² Отдаю их Вам на Ваше попечение. Поговорите с «Грифом», может, он какое-нибудь в «Золотом Руне» напечатает.³ Когда все выяснится, известите меня.

А. Ремизов

Кланяюсь.

5 Рождественская, 38, кв. 2.

Холодно у нас, в шубе сижу, лапу сосу.

¹ Написано на бланке конторы журнала «Вопросы жизни».

² Подразумевается Борис Викторович Савинков (лит. псевдоним — В. Ропшин; 1879—1925) — политический деятель, публицист, прозаик, поэт; член Боевой организации партии социалистов-революционеров, в 1904—1906 гг. — организатор и непосредственный участник ряда покушений на высших должностных лиц Российской империи. «Борис С.» — возможно, обозначение авторства подборки стихов, предложенной для печати (так была подписана повесть Савинкова «На главной гауптвахте», опубликованная в № 4 журнала «Русское богатство» за 1907 г.). «Борису С.» (т. е. Савинкову) посвящен роман Ремизова «Часы» (СПб.: Eos, 1908). Ремизов познакомился и сблизился с Савинковым в Вологде, в кругу политических ссыльных (оба отбывали там ссылку в 1902—1903 гг.); см. об этом в его мемуарной книге «Иверень» (Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 438—457, 480, 498—506). Как сообщает Белый в мемуарах, в 1905 г. «Савинков, глава боевых эсеров (...) живет в Питере, тайно посещая Ремизовых» (Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 65).

³ Гриф — прозвище Сергея Алексеевича Соколова (псевдоним — Сергей Кречетов; 1878—1936), поэта, владельца московского модернистского издательства «Гриф»; в первой половине 1906 г. он заведовал литературно-художественным отделом московского модернистского журнала «Золотое руно». В мемуарах Белый сообщает в дополнение к рассказу о том, как он видел Савинкова на выставке «Мира искусства» в 1906 г. (ему указала на него С. П. Ремизова-Довгелло): «...я везу стихи его в „Золотое руно“; Соколов их не принял» (Белый Андрей. Между двух революций. С. 72).

3. Ремизов — Андрею Белому *Петербург. 1 января 1906 г.¹*

1 января 1906.

5 Рождественская 38, кв. 2

Дорогой Борис Николаевич!

поздравляю Вас с новым годом.

Вчера вернулись из Берестовца.² Наташа дала ручками для «Боли»³ беленького петушка с красненьким гребешком и бородкой. Петушка не посылаю, когда приедете в Петербург, передам, а то еще помнется, и так, бедный, четверо суток в темноте и духоте лежал с жареным индюком.⁴ Перышки беленькие не завяли, охраняла их голубая пелена, которой петушка покрыл. Наташа выросла, бегает, разговаривает. Увидит в окошко корову — мычит. А то, как кукушка кукует. И меня когда замечала, тоже мычала и куковала. А в последний день, повели ее гулять, снег пошел. Пришла домой, говорит: Дед-мороз снегом кидается.

Переезжайте к нам скорей.⁵ Любим Вас, как дитенка.

А. Ремизов.

С(ерафима) П(авловна) кланяется.

Пришлите мне последний № «Весов».⁶

¹ Написано на бланке конторы журнала «Вопросы жизни».

² В имении Берестовец Черниговской губернии Ремизов и его жена, Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (1876—1943), находились с 22 по 28 декабря 1905 г. (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 3). Они отвезли туда на воспитание — в силу трудных материальных условий — дочь Наташу к матери Серафимы Павловны Александры Никитичне Довгелло и сестре Лидии Павловне Довгелло. Ср. свидетельство Ремизова в позднейшей книге «На вечерней заре» (о 1905 годе): «На Рождество вместе едем в Берестовец к Наташе. Две недели пройдут для меня, как годы. (...) От разговора спасает Наташа. Ею занят весь дом» («На вечерней заре», Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1990. Vol. 9. С. 469). Все последующие детские годы Наташи Алексеевны Ремизовой (1904—1943) прошли в Берестовце, вернуть позднее дочь к себе Ремизовым не удалось. См.: *Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове*. Berkeley, 1980. С. 44—59; *Бунич-Ремизов Б. Б. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких* // Алексей Ремизов: Исслед. и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб., 1994. С. 267—272.

³ Имитация младенческого произношения: так, определенно, называла Наташа Ремизова Белого (Бориса Бугаева, «Борю»).

⁴ Подразумеваются дни переезда из Берестовца в Петербург (28—31 декабря).

⁵ В 1905—1907 гг. Белый неоднократно выражал намерение переехать на постоянное жительство в Петербург; видимо, он говорил об этом и с Ремизовым.

⁶ Последний, декабрьский, номер журнала «Весы» за 1905 г. вышел в свет со значительным опозданием (по причине московского декабрьского вооруженного восстания), он же был отпечатан и как январский номер за 1906 г. — с полным совпадением содержания и оформления.

4. Ремизов — Андрею Белому

Петербург. 9 января 1906 г.

1906. 9 января.

5 Рождественская 38, кв. 2.

Дорогой Борис Николаевич!

Посылаю Вам забытого «Слоненка». Покажите его «Весам». Может быть, эту тварь божью примут «скорпионы».¹ А не примут, к «Грифу» туркнитесь.²

На Святках наряжался козлом и козловак плясал.³ Так плясал, коленку ушиб. А вчера ко мне лягушка-квакушка прискакала зеленая. Поместил лягушку с медведем рядом, пускай квакает.⁴

Совсем было собрался в Москву приехать, да застрял: место ищу себе,⁵ а то в феврале за квартиру платить нечем будет.

С(ерафима) П(авловна) кланяется Вам.

Алексей Ремизов.

Р. С. О «Слоненке» пишу В. Я. Брюсову.⁶ Дайте ему почитать. Может быть, и выйдет что.

¹ Журнал «Весы» издавался московским модернистским издательством «Скорпион». «Слоненок» (1905) — рассказ Ремизова, впервые опубликованный в журнале «Перевал» (1907. № 7, май. С. 8—17).

² Подразумевается С. А. Соколов (см. примеч. 3 к п. 2).

³ Козловак — танец, исполняемый сказочными персонажами во 2-й части «Северной симфонии (1-й, героической)» (1900) Андрея Белого:

«5. Сам был козлоробородый рыцарь. Сам обладал козлиными свойствами: во-дил проклятый хоровод и плясал с козлом в лесных чащах.

6. И этот танец был козловак, и колдовство это — козлование» (Белый Андрей. Симфонии. Л., 1991. С. 51—52).

⁴ Речь идет об игрушках дочери Ремизова, которые, вероятно, Белый видел в ремизовской квартире. Ср. письмо Ремизова к В. Я. Брюсову, датированное тем же днем: «...Наташу не покажу Вам. Она за тридевять земель от Петербурга. Покажу только ее спутников: лягушку-квакушку, медведюшку, да петушка — золотого гребешка» (ЛН. М., 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 194). В статье «Алексей Ремизов. „Посолонь“» (Русь. 1907. 5 апр. № 95) М. Волошин описывает игрушки в доме Ремизова и приводит некоторые его пояснения к ним: «Его письменный стол и полки с книгами уставлены детскими игрушками. (...) „А вот это Наташин медведь — Наташа-то уехала, он и голову опустил. А раньше он все с ней был и в ванне с ней вместе купался. Лапы-то у него передние и отмокли. А вот здесь в брюхе у него веретено. Им Наташа уколется, когда ей будет шестнадцать лет, и заснет на три года“. (...) У домашнего очага Ремизова эти грубо сделанные игрушки: глиняные курицы, войлочные зайцы, деревянные медведи и картонные мыши, действительно остаются богами, сохранившими свою древнюю власть над миром явлений, и от них возникают его художественные произведения» (Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 510—511).

⁵ Ремизов в январе 1906 г. лишился службы в редакции «Вопросов жизни» в связи с прекращением издания журнала.

⁶ В тот же день Ремизов писал Брюсову: «Посылаю на Андрея Белого рассказ „Слоненок“. Не возьмете ли „Слоненка“ в „Весы“» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 194).

5. Андрей Белый — Ремизову

Москва. 10 января 1906 г.¹

10-го января. 06 года.

Многоуважаемый, дорогой Алексей Михайлович,

Спасибо за весть о себе. Ужасно хочется Вас видеть. Я Вас очень полюбил — Вас и Серафиму Павловну. Все собирался Вам писать, да на меня свалилось такое множество дел, что едва успеваю и половину их выполнить. Часто о Вас думаю, собираюсь приехать в Петербург, хотелось бы еще и еще ближе Вас узнать. Тогда и с Наташей хорошо бы познакомиться. А игрушку я ей привезу непременно.

Как жаль, что я не видел, как Вы плясали на святках козлов. Я, быть может, мог бы дать полезные сведения на этот счет: (как же, я ведь и музыку к козловаку сочинил — одной рукой наигрывать надо). «Слоненка» еще не получил; как получу, сейчас же отнесу в «Весы», а если в «Весах» не пойдет, за «Золотое Руно» — почти ручаюсь. Голубчик Алексей Михайлович, как бы хорошо Вас повидать. Вы один из «несомненных», «подлинных» людей. А в Москве людей мало среди моих знакомых: больше «сюртучные пары». Всё — сюртуки с маленькими придатками; эти придатки и образуют людей. А впрочем, грешен и я: людей много, да вот между ними человеческого общения нет: всё больше «сюртучное». Как отделаюсь от срочной работы, буду Вам непременно писать подробнее, а пока Христос с Вами, дорогой Алексей Михайлович. Пошли Вам Бог всего радостного и легкого.

Наташу целую. Серафиме Павловне мой горячий привет. Мережковским оттого сейчас не пишу, что не хочу писать внешнее, а времени совсем нет: набрал тьму работы для того, чтобы, заработав деньги, приехать в Петербург. Всего, всего лучшего.

Любящий Вас Борис
Бугаев.

P. S. «Пруд» внимательно читаю на досуге, и сердцу близко, очень близко.² Простите за прежнее невнимательное отношение: места-ми сильно проникает. При случае хочу непременно печатно сказать что-нибудь хорошее о «Пруде».³

P. P. S. Голубчик Алексей Михайлович, адрес-то Ваш у меня пропал! Пишу Мережковским.⁴

¹ Ответ на п. 4.

² Имеется в виду журнальная редакция романа Ремизова «Пруд», опубликованная в «Вопросах жизни» (1905. № 4/5—11).

³ Позднее Белый опубликовал рецензию на первую книжную редакцию романа «Пруд» (СПб.: Сириус, 1908), в которой, однако, дал весьма критическую оценку произведения Ремизова (Весы. 1907. № 12. С. 54—56; см.: *Белый Андрей. Критика. Эстетика. Теория символизма*. В 2 т. М., 1994. Т. II. С. 426—428).

⁴ Очевидная невнимательность автора: петербургский адрес Ремизова указан в тексте п. 4.

6. Ремизов — Андрею Белому Петербург. 14 января 1906 г.¹

14 I 1906.

5 Рождественская 38, кв. 2.

Дорогой мой Борис Николаевич,

получил Ваше письмо, читали его с Серафимой Павловной. Я, Борис Николаевич, на вас так смотрю, что Вы, С. П., Мережковские люди особенные. И прошу Вас, смотрите на меня, не отвергая, смотрите на всю темноту, на пояс темный, которым препоясан. Я хотел бы стоять где-нибудь в «притворе», слушать, не показывая своего лица. Искренно Вам говорю, не унижая и не возвеличивая себя.

Когда приедете, научите меня козловаку.² А то я только прыгаю без всякой системы. Мы с Вами плясать будем. Татьяна Николаевна (12/I была именинница, поди не поздравили) была наряжена свиньей, я — козлом, Наталья Николаевна цаплей, С. П. — чучелом.³

Очень Вас прошу, похлопочите у «Грифа» за стихи Бориса С.⁴

Мне так хочется, чтобы их напечатали в «Золотом Руне».

В одном стихотворении есть посвящение инициалами, так автор просит поставить фамилию

Е. С. Сазонову⁵

Переживаем тяжелые дни. Денег осталось у нас всего несколько рублей.⁶ Если бы вдруг да приняли что-нибудь в «Зол(отом) Руне», не поговорите ли Вы насчет аванса. И затем, кажется мне, что они должны платить за лист не 50 р. а 100 р., они ведь могут.

Ну, простите меня за все мои просьбы.
Кланяется Серафима Павловна.

А. Ремизов.

Слоненка посылаю заказ(ной) банд(еролью) в воскрес(енье)
15 января Вам.⁷

¹ Ответ на п. 5. Написано на бланке конторы журнала «Вопросы жизни».

² См. п. 4, примеч. 3.

³ Участницы маскарада — Т. Н. Гиппиус, Н. Н. Гиппиус, С. П. Ремизова-Довгелло. О взаимоотношениях жены Ремизова с семейством Мережковских см.: *Lamp! N. Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello // Wiener slawistischer Almanach. 1978. Bd. 1. S. 155—194.*

⁴ См. п. 2, примеч. 2, 3.

⁵ Егор Сергеевич Созонов (Сазонов) (1879—1910) — член Боевой организации партии социалистов-революционеров; за убийство министра внутренних дел В. К. Плеве (15 июля 1904 г.) был приговорен к бессрочной каторге (30 ноября 1904 г.), до декабря 1905 г. содержался в Шлиссельбургской крепости, затем переведен в московскую Бутырскую тюрьму, откуда в мае 1906 г. отправлен в Акатуйскую каторжную тюрьму. Стихи Б. Савинкова, посвященные Созонову, нам неизвестны.

⁶ О житейских обстоятельствах, возникших после прекращения издания журнала «Вопросы жизни» и тем самым утраты Ремизовым постоянного жалования, он сообщает в книге «На вечерней заре»: «Существуем мы оба только уроками Серафимы Павловны» (*Europa Orientalis. 1990. Vol. 9. С. 470*).

⁷ См. п. 4, примеч. 1, 6.

7. Ремизов — Андрею Белому Петербург. 22 января 1906 г.¹

Дорогой Борис Николаевич!

Вчера разговаривал с В. Я. Брюсовым о «Слоненке».² В среду он уезжает в Москву.³ Передайте ему «Слоненка» для «Весов».

А. Ремизов.

22 I 1906. 5 Рождественская 38, кв. 2.

С(ерафима) П(авловна) кланяется.

Видел Ваш портрет.⁴ Очень верно нарисован. Как живой сидите.

¹ Написано на бланке конторы журнала «Вопросы жизни».

² См. п. 4, примеч. 1, 6. В середине января 1906 г. Брюсов приехал из Москвы в Петербург. Ср. дневниковые записи Ремизова, помещенные в его книге «Кукха. Розановы письма»: «18. 1. Приехал Брюсов. 19. 1. У Сомова на Екатерингофском с Брюсовым» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 58).

³ Среда — 25 января. Брюсов, судя по письму И. М. Брюсовой, сопровождавшей его в этой поездке, к Н. Я. Брюсовой («...мы приехали сегодня в субботу» — т. е. 28 января — РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 34), выехал из Петербурга 27 января.

⁴ Подразумевается погрудный портрет Андрея Белого работы Л. С. Бакста, написанный в Петербурге в декабре 1905 г. См.: Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: Статьи и публ. СПб., 2004. С. 352—353 («Неизданная статья Андрея Белого „Бакст“»).

8. Ремизов — Андрею Белому

Петербург. 23 января 1906 г.

23 янв. 1906 г.

Александринский театр.

На представлении «Антигоны».¹

Дорогой Борис Николаевич.

Посылаю Вам «Иуду», не найдете ли возможным отдать его в «Свободную Совесть».²

«Иуда» был сначала набран для С(еверных) Ц(ветов) 1905 г., но вынут, потом в В(опросах) Ж(изни) и запрещен С. Н. Булгаковым.³

А. Рем(и)з(ов).

¹ Трагедия Софокла «Антигона» в переводе Д. С. Мережковского была впервые представлена публике в Александринском театре 24 января 1906 г. (см.: Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. 24 янв. № 9173. С. 6; Петербургская газета. 1906. 24 янв. № 23. С. 4); накануне, 23 января, Ремизов присутствовал на генеральной репетиции (вечером этого дня в Александринском театре давали другой спектакль). Постановку «Антигоны» предполагалось осуществить в Александринском театре еще в феврале 1905 г., но она была запрещена после донесения департамента полиции о возможном использовании спектакля «для устройства противоправительственной демонстрации» (см.: Теляковский В. Воспоминания. Л.; М., 1965. С. 305—306).

² «Свободная совесть. Литературно-философский сборник» — издание, иницированное московским кружком П. И. Астрова, собиравшимся по средам; Андрей Белый был одним из активных участников этих собраний. Вышло в свет два сборника «Свободная совесть»: 1-й — в январе 1906 г., 2-й — в сентябре 1906 г.; произведений Ремизова в них не было.

³ Философ, экономист, критик и публицист, впоследствии богослов Сергей Николаевич Булгаков (1871—1944) в 1905 г. был одним из редакторов журнала «Вопросы жизни». Поэму «Иуда» Ремизов закончил в октябре 1903 г. и тогда же отправил Брюсову для альманаха «Северные цветы» (см. письмо Ремизова к Брюсову от 25 октября 1903 г.// ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 167—168). Трактовка образа Иуды, кардинально отличная от церковно-канонической, стала причиной осложнений на пути поэмы Ремизова в печать. В недатированном письме, относящемся, видимо, к марту 1905 г., Брюсов известил Ремизова о своем решении заменить «Иуду», принятого в альманах «Северные цветы ассирийские» (М., 1905), другим произведением Ремизова — циклом «Полунощное солнце»: «Я давал читать Вашего „Иуду“ цензору. Он сказал, что целый ряд мест возбудит непременно сомнение и может повести к задержанию всех „Северных Цветов“» (Там же. С. 187). После еще одной неудачной попытки напечатать «Иуду» в московском журнале «Зори» Ремизов отдал поэму в альманах «Воздетые руки. Книга поэзии и философии» (М.: Орифламма, 1908. С. 6—21), который, однако, вышел в свет лишь весной 1908 г. — уже после того как «Иуда» был опубликован в составе книги Ремизова «Чертов лог и Полунощное солнце» (СПб.: Еос, 1908. С. 293—310), отпечатанной в конце декабря 1907 г.

9. Ремизов — Андрею Белому

Петербург. 23 — 24 января 1906 г.¹

1906. 23 на 24 янв. 5 Рождественская 38, кв. 2.

Дорогой Борис Николаевич!

На «Антигоне» передал В. Я. Брюсову «Иуду», чтобы он его Вам передал, а Вы, если найдете подходящим, в «Свободную Совесть».²

И опять у меня к Вам просьба.

Узнал от В. Я. Брюсова, что «В плену» — листов 5, 6 — едва ли будет принято «Золотым Руном» за обширность.³

Так просьба вот в чем: будете в «Золотом Руно», спросите у Грифа, напечатают ли они «В плену», и если нет, то возьмите рукопись и отдайте в «Свободную Совесть».⁴

Прошу у Вас извинение за постоянные письма с просьбами. Больше не буду, это — последнее. Скажу в свое оправдание: не свинья и не нахал я какая, а просто «Свободная Совесть» — мой последний оплот и упование.

«В плену» написано еще в Устьысольске, а «Иуда» в Хер(с)оне,⁵ надо же мне избавиться от них, и потом надо же мне вывернут(ь)ся.

С(ерафима) П(авловна) кланяется.

«Антигону» сваяляли. Хор лошади подобен, недвижимый. Хуже постановки и представить себе трудно. Не обвиняю Д. С. Мереж-

ковского, если бы даже он и знал, что сделать, — ничего бы не сделал: это не актеры, а уж и не знаю кто.⁶

Не осердитесь, не осудите.

А. Ремизов.

¹ Написано на бланке конторы журнала «Вопросы жизни».

² См. п. 8, примеч. 1—3.

³ Автобиографический цикл (в ранней редакции — поэма) «В плену» создавался Ремизовым в 1896—1903 гг., затем неоднократно перерабатывался (см. комментарии Е. Р. Обатниной в кн.: *Ремизов А. М. Собр. соч.* М., 2000. Т. 3: Оказион. С. 608—609) и публиковался в периодике и альманахах в виде самостоятельных рассказов в 1903—1905 гг., в окончательной редакции впервые — в кн.: *Ремизов А. Сочинения.* СПб.: Шиповник, (1910). Т. 2: Рассказы; ранняя редакция текста в полном объеме опубликована не была (беловой автограф — в архиве П. Е. Щеголева; ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 2. Ед. хр. 68).

⁴ 4 февраля 1906 г. С. А. Соколов (Гриф) писал Ремизову: «„В плену“ одновременно возвращаю. Решено не печатать слишком огромных произведений. При этом же количество предлагаемого материала так велико, что с трудом удастся представить в „Руно“ с большей или меньшей подробностью всех интересных русских писателей. А желание сделать „Руно“ возможно более полным заставляет стремиться к сжатости» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 203).

⁵ В Усть-Сысольске Ремизов отбывал ссылку в 1900—1901 гг., в Херсоне жил с июня 1903 г. по февраль 1904 г.

⁶ Сходные оценки постановки «Антигоны» прозвучали в печати. Например, Ф. В. Трозинер заключал: «Величии и глубине софокловской трагедии далеко не отвечало исполнение артистов Александринской труппы» (Петербургская газета. 1906. 25 янв. № 24. С. 5. Подпись: Омега). В то же время С. Л. Рафалович, отметивший «прекрасный» перевод Мережковского, утверждал: «Постановка в узком смысле слова (...) прекрасна» (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. 25 янв. № 9174. С. 3).

10. Андрей Белый — Ремизову Москва. Конец января 1906 г.¹

Дорогой Алексей Михайлович,

ах какой петушок — не петушок: фазан! Спасибо, спасибо Наташе, поцелуйте ее от меня.² Как хотелось бы мне ее видеть. А Серафиме Павловне скажите, что цветок ее я положил в самую любимую свою книгу, чтоб раскрывать ее и любоваться. Посылаю С. П. цветочки розового гиацинта, который стоит у меня на рабочем столе. Очень Вы меня утешили. Я болен: неделю не выхожу. Состояние

духа отвратительное. Но получив пакет, радовался. Все, что писали Вы мне, исполнял: говорил с *Грифом*, он ответил довольно неопределенно, но я понял, что он вышлет гонорар. «*Слоненка*» передам Брюсову. Стихи *Б. С.* передал *Грифу*.³ Еще не видался после: не знаю, принял ли. Простите краткость письма. Болит голова, лихорадка.⁴ Ну Христос с Вами! С. П. мой низкий привет и спасибо.
Любящий Вас

Борис Бугаев.

Р. S. Наташу целую. Пришлю ей уточку, как только поправлюсь.

¹ Ответ на п. 7—9. Датируется по связи с ними.

² Вероятно, к одному из полученных Белым писем Ремизова были приложены рисунок или детская игрушка. Наташа Ремизова находилась в это время в Белье (см. примеч. 2 к п. 3).

³ См. п. 2, примеч. 2, 3. Инициалы «Б. С.» отчеркнуты зеленым карандашом и тем же карандашом на полях пояснительная помета: «Б. Савинков» (рукой Ремизова?).

⁴ Ср. письмо Белого Блоку от 26 или 27 января 1906 г.: «Не писал Тебе эти дни. Был болен. Теперь, кажется, поправляюсь» (*Белый и Блок. Переписка*. С. 273).

11. Андрей Белый — Ремизову *Москва. Конец января — начало февраля 1906 г.¹*

Многоуважаемый и дорогой Алексей Михайлович!

Только что оправился от адской боли. Теперь принимаю образ и подобие Человеческое. Спешу Вам писать. Я Вам писал в момент ужасного и нервного, и физического расстройства. Боюсь, как бы боль не отразилась на строчках. Поэтому спешу еще раз поблагодарить милую Наташу за фазана. Я таких видывал во сне. Только те были фиолетовые. Хочется радостно смеяться, хлопать в ладоши, писать Вам и Серафиме Павловне не письмо, а бросать цветочки. Буду, вероятно, в Петербурге. Все, что пишете Вы о делах, на днях выполню (сейчас еще дома сижу — никуда не выхожу). Милый Алексей Михайлович, очень хочется повидаться с Вами, да поиграть с Наташей.

У нас в Москве весна.² Зори ясные начинают улыбаться, не веришь *опять* приближению. Весеннее приближение, с каждым годом оно ближе, все ближе сердцу, все больнее разлука. Хочется ясной радости, восторга и полетов к зоре.

Пусть — Солнце не восходит: зори с нами. Зорь никто не отнимет у нас.³

О, как полюбил я красные стяги революции теперь, когда революция остановилась. Но верю, будет. Верю.

Я вне партий, но если бы *необходимость* толкала, конечно, был бы с крайними. Я их так полюбил.

Красные знамена — зори радостные да ясные. Взойдет Солнце — белый, сияющий стяг. Пока его нет, люблю все красное и розовое. Красное — революция, розовое — религиозная анархия.

Христос с Вами. Серафиме Павловне спасибо. Цветочек еще пахнет. Весь Ваш

Борис Бугаев.

¹ Датируется по связи с п. 9 и п. 12.

² Аналогичные впечатления — в письме Белого к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 18 или 19 января 1906 г.: «Я окружу Вас ореолом гиацинтов: они будут мелькать в воздухе, звонить о том, что близко Весна» (*Белый и Блок. Переписка*. С. 558).

³ Аллюзия на Ин. 16: 22 («...и радости вашей никто не отнимет у вас»).

12. Ремизов — Андрею Белому

Петербург. 10 февраля 1906 г.¹

5 Рождественская 38, кв. 2.

Дорогой Борис Николаевич!

Вы скоро приедете в Петербург,² не забудьте перед отъездом:

1) узнать о судьбе стихов Бориса С., если их не приняли, привезите сюда.³

2) я Вам послал «Иуду», если передали в «Свободную Совесть», то хорошо бы узнать ответ, будет напечатан или нет.⁴

Мне подарили какую-то птичку голенькую с большим острым клювом, посмотрите и назовете ее, а то я не знаю: птичка и птичка, только и твержу.

Очень замытарился, много разных дел надо переделать, а все не удастся. Вырвется минута, сядешь к столу и, оттого что срок — одна минута, ничего не выходит и рука трясется. Не обращайтесь на форму какого-то приказа в это(м) письме по пунктам.

А. Ремизов.

10/II 1906.

¹ Написано на бланке конторы журнала «Вопросы жизни».

² Белый выехал в Петербург 11 февраля; ср. его сообщение в письме к М. К. Морозовой от 8 февраля 1906 г.: «Я уезжаю в субботу», т. е. 11 февраля (Белый Андрей. «Ваш рыцарь»: Письма к М. К. Морозовой, 1901—1928. М., 2006. С. 64).

³ См. п. 2, примеч. 2, 3. 13 февраля С. А. Соколов писал Ремизову (на бланке «Золотого руна»): «Стихи Бориса С. возвращаю — они не пойдут» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 203).

⁴ См. п. 8, примеч. 3.

13. Ремизов — Андрею Белому *Петербург. 9 марта 1906 г.*

9 марта 1906.

Грачи прилетели.¹

Прощайте, дорогой Борис Николаевич, будете в Петербурге, дайте весть о себе, приду куда в дом посмотреть на Вас.²

Не давайте пока «Слоненка» в «С(вободную) Совесть». Впрочем, давайте. Мне только очень жалко, если в Весах не напечатают.³ А «Богомолье» просит П. С. Соловьева. Я ей передам в «Тропинку».⁴ Я напишу Валерию Яковлевичу — Богомолье у него лежит.⁵

Ну, всего Вам хорошего.

Да, увидите Б. К. Зайцева, спросите у него об Иуде, и пускай Зайцев мне результат напишет.⁶

А. Ремизов.

¹ 9 марта, в день Сорока мучеников Севастийских, по народному календарю, «на Русь из-за моря сорок птиц прилетает», «на Сорок мучеников сорок сороков птиц весну несут».

² Белый отбыл из Петербурга в Москву 5 или 6 марта. За время его пребывания в Петербурге (с 12 февраля) Ремизов совершил поездку в Москву (24 февраля — 1 марта; см.: РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 7).

³ См. п. 4, примеч. 1, 6; п. 8, примеч. 2. О судьбе своего рассказа Ремизов спрашивал Брюсова в письме от 14 марта 1906 г., добавляя: «Если «Слоненка» отвергли, пришлите его мне» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 198).

⁴ Поликсена Сергеевна Соловьева (псевдоним — Allegro; 1867—1924) — поэтесса, детская писательница, редактор-издатель (совместно с Н. И. Манасеиной) петербургского детского журнала «Тропинка» (1906—1912). Рассказ «Богомолье» был опубликован в этом журнале (1906. № 10. 15 мая. С. 469—470), вошел в книгу Ремизова «Посолонь» (М.: изд. журнала «Золотое руно», 1907).

⁵ 14 марта 1906 г. Ремизов сообщил Брюсову: «„Богомолье“ я отдал в „Тропинку“» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 198).

⁶ См. п. 8, примеч. 3. Прозаик Борис Константинович Зайцев (1881—1972) был в 1906 г. одним из учредителей московского журнала «Зори», куда была передана поэма Ремизова (вместо сборника «Свободная совесть» или, возможно, после отказа от публикации ее в «Свободной совести»).

14. Ремизов — Андрею Белому

Петербург. 13 марта 1906 г.¹

Дорогой Борис Николаевич!

Увидите Б. К. Зайцева, спросите об «Иуде». ² Если в «Зорях» нельзя напечатать, пускай пришлют мне в Петербург. И чем скорее, тем лучше. Я ему писал, но он мне не ответил.

«Иуду» в случае отказа в «Зорях» отдам в сборник против смертной казни. Вот почему ответ об «Иуде» мне так необходим.

Скажите, Борис Николаевич, Зайцеву, пожалуйста.

Вчера были в Шлессельбургской (так!) крепости. ³ Всё осмотрели. Т(атьяна) Н(иколаевна) срисовала много. ⁴ Все камеры остались у меня в душе на всю жизнь. Ходили и на могилу Каляева ⁵ — сухие цветы да травки взял себе. Могила без холмика против Королевской башни на выступе.

Закрою глаза, и вижу эти комнатки и дворик, где вешали, и дежурную комнату, где проводили последнюю ночь до зари.

С(ерафима) П(авловна) кланяется.

А. Ремизов.

13 III 1906.

5 Рождественская 38, кв. 2.

¹ Написано на бланке конторы журнала «Вопросы жизни».

² См. п. 13, примеч. 6.

³ Ср. запись Ремизова: «11 III — 12 III Шлессельбург» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 7). Шлессельбургская крепость в 60 км к востоку от Петербурга, на острове при выходе Невы из Ладожского озера, построенная новгородцами в 1323 г., со времени царствования Екатерины I была местом заточения особенно важных политических врагов правящего режима; при Александре III и Николае II там были совершены смертные казни над 12 революционерами.

⁴ Имеется в виду Т. Н. Гиппиус, писавшая 13 марта 1906 г. за границу З. Н. Гиппиус: «Эти дни были в Шлессельбурге (...). Ночевали, видели все — страшно

интересно. Я пришлю тебе несколько рисунков с нее» (Amherst Center for Russian Culture, Merezhkovsky's Papers, Box 2, Folder 21, Текст писем Т. Н. Гиппиус подготовлен к печати М. М. Павловой. Под «нею» в приведенной цитате подразумевается, скорее всего, могила И. П. Каляева).

⁵ Иван Платонович Каляев (1877—1905) — поэт, революционер; член Боевой организации партии социалистов-революционеров, убивший 4 февраля 1905 г. в Кремле московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича. Повешен в Шлиссельбурге 10 мая 1905 г. Ремизов дружески общался с Каляевым во время вологодской ссылки (1902—1903); в 1903 г. несколько стихотворений в прозе Ремизова были опубликованы в ярославской газете «Северный край» при содействии Каляева, служившего там корректором. Стихотворение в прозе Ст. Шибишевского «Тоска» в переводе Ремизова и Каляева опубликовано в кн.: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. П. Альберга Енсена и П. У. Мёллера. Copenhagen, 1976. С. 79—80; см. также: ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 161—162. Каляев послужил прототипом одного из персонажей рассказа Ремизова «Иван Купал» (1903), опубликованного в «Альманахе „Гриф“» (М., 1904). См.: Розанов Ю. Террорист Каляев в рассказе А. Ремизова «Иван Купал»: «Реальная» основа символического текста // Вопросы литературы. 2006. Янв. / февр. С. 124—134.

15. Ремизов — Андрею Белому Петербург. 20 марта 1906 г.¹

5 Рождественская 38, кв. 2.

Дорогой Борис Николаевич!

Слоненка мне возвращают из Весов, получил от В. Я. уведомление.² Я Слоненка в Адскую Почту отдам.³ Иуду отдал в сборник против смертной казни, увидите Б. К. Зайцева, скажите ему об этом.⁴ Богомолье отдал в Тропинку.⁵ Пришел Пяст,⁶ Вам кланяется. С(ерафима) П(авловна) кланяется.

А. Ремизов.

20 марта 1906 года.

¹ Написано на бланке конторы журнала «Вопросы жизни».

² См. п. 13, примеч. 3. Брюсов отвечал на письмо Ремизова от 14 марта 1904 г.: «Видимо, „Слоненку“ не суждено быть в „Весах“. В скорости вышлю его Вам. (...) Очень жалею, что бессилён помочь Вам в „Весах“» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 198).

³ «Адская почта» — иллюстрированный сатирический журнал, выходивший в Петербурге в мае — июне 1906 г. (№ 1—3; редактор П. Н. Троянский, издатель Е. Е. Лансере), закрыт в июне 1906 г. по постановлению суда (см.: Русская сатирическая периодика 1905—1907 гг.: Сводный каталог / Сост. З. А. Покровская. М.,

1980. С. 16). Рассказ «Слоненок» по своему содержанию не соответствовал тематическому профилю этого издания. После еще одной неудачной попытки Ремизова напечатать рассказ в «Золотом руне» он был опубликован в журнале «Пере-вал» (см. примеч. 1 к п. 4).

⁴ См. п. 8, примеч. 3; п. 13, примеч. 6.

⁵ См. п. 13, примеч. 4.

⁶ Владимир Алексеевич Пяст (наст. фам. Пестовский; 1886—1940) — поэт, впоследствии переводчик, стиховед, мемуарист. Описывая свое пребывание в Петербурге в феврале 1906 г., Белый отмечает: «...начинаю посещать упорно кружок молодых поэтов у Блока (Пяст, Городецкий и т. д.)» (Белый Андрей. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 33 об.).

16. Андрей Белый — Ремизову *Серебряный Колодезь. Вторая половина июня — первая половина июля 1906 г.¹*

Глубокоуважаемый и милый, милый Алексей Михайлович,

давно уж ощущаю неодолимую потребность Вам писать. Ужасно как я Вас полюбил. Ужасно часто Вас вспоминаю. Вы не смотрите на то, что я себя держал относительно Вас и Серафимы Павловны, как скотина: не был у Вас.² Я всегда *теперь* Вас ценю, люблю и вспоминаю. Вы *настоящий, настоящий*. Чувствую всегда близость к Вам и самую искреннюю любовь. Последние два приезда в Петербург мне было *очень, очень* трудно. Сплошная истерика душила.³ Вот почему я даже и не стремился видеть тех, кого люблю. Своей не хотелось заражать нервностью. Оттого-то я и держал себя так дико относительно Вас.

Но я *знаю, знаю, знаю, кто* Вы. Люблю Вас за страдания Ваши. И теперь сколько раз чувствовал Вас в воздухе, в ветре, в шуме деревьев, чувствовал необходимость Вас видеть, с Вами говорить. Не знаю Вашего адреса.⁴ Пишу Чулкову: может быть, он Вам перешлет.⁵ Если получите мое письмо, голубчик, напишите хоть две строчки мне. Хотелось бы о Вас что-нибудь слышать. Читал Вашу «Тюрьму» в «Адской Почте» и очень ей восхищался.⁶ Серафиме Павловне передайте мой привет, поклон и самую искреннюю любовь. Скажите ей, что *никогда ничего не забуду, как бы внешним образом ни держал себя относительно Главного.*⁷ Оно — со мной. Оно — между нами.

Христос с Вами!

Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев.

Р. С. Цветок для Наташи.⁸ Ее целую. Мой адрес: г. Ефремов (Тульской), селцо Серебряный-Колодезь. Мне. Здесь я до 15-го августа.⁹

¹ Датируется по времени пребывания Белого в родительском имении Серебряный Колодезь (Старогальская волость Ефремовского уезда Тульской губернии).

² Белый имеет в виду свое пребывание в Петербурге во второй половине апреля — начале мая 1906 г.; до того он был в Петербурге во второй половине февраля — начале марта 1906 г.

³ Белый подразумевает свои переживания, вызванные отношениями с Л. Д. Блок.

⁴ Ремизовы летом 1906 г. съехали с 5-й Рождественской улицы, с осени того же года обосновались на Кавалергардской (см. п. 17).

⁵ Прозаик, поэт, критик Георгий Иванович Чулков (1879—1939) в 1905 г. руководил литературно-критическим отделом журнала «Вопросы жизни», конторой которого заведовал Ремизов. Высылая письмо по адресу Чулкова, Белый, видимо, руководствовался этой былой «служебной» близостью двух писателей.

⁶ Имеется в виду рассказ Ремизова «Крепость» (Адская почта. 1906. № 2. С. 3, 6—7). См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 3. С. 35—40.

⁷ Под «Главным» подразумевается объединяющее религиозно-мистическое начало в тайной христианской коммуне Мережковских; Белый и С. П. Ремизова-Довгелло входили в круг «посвященных», участвовавших в молениях и «вечерях» на квартире Мережковских. См.: Пахмусс Т. А. Страницы из прошлого: Переписка З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosofova и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 70—114; Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906—1908 годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. Павловой // Эротизм без берегов. М., 2004. С. 391—455.

⁸ В письмо был вложен цветок для дочери Ремизовых.

⁹ Белый уехал из Серебряного Колодезя раньше: около 20 июля он обосновался в подмосковном Дедове, в начале августа отбыл оттуда в Москву.

17. Ремизов — Андрею Белому

Петербург. 18 августа 1906 г.¹

СПб. Кавалергардская 8, кв. 28. А. Ремизов.

18 августа 1906.

Дорогой Борис Николаевич!

Письмо Ваше пролежало не малое время в Адской Почте.² Пишу Вам из комнаты Д. С. Мережковского, где мы поселились на время,³ на днях водворяемся на Кавалергардской, в новом совсем доме. А пока страшно — известкой пахнет.⁴ Только и ходим туда что обедать, да с вещами повозиться. Наташа в Берестовце. Мы

были там, месяц прожили.⁵ И она нас хорошо узнала и по имени называла и здоровалась и прощалась и звала обедать и показывала, что ей нравилось. Цветочек сохранию у себя. Когда вырастет, покажу и расскажу о Вас, как я Вас встретил, как в ушко поцеловал, как понравились мне с первого раза, как на листочке писал Вам письмо, в котором объяснения писал. Только мне иногда казалось, что я Вам надоедаю своими чувствами, и потом мне казалось, что Вы были неискренни со мной.

Часто-часто Вашим напевом читаю вслух С(ерафиме) П(авловне) Ваши стихи и также живот поднимаю, и С. П. тоже читает, одну ноту очень хорошо и похоже выводит: «Коломенской верстою стоит семинарист».⁶

Не забывайте нас, будете в Петербурге, заходите. Если же не будет расположения, не говорите, что зайдете. А то ждешь, ждешь и нет.

Сейчас мы очень мытаримся. Никак не можешь жизнь наладить, так надоело и квартиры и всегдашние гаданья о деньгах. Так не весело.

С. П. Вам кланяется. Вы с ней поговорите когда-нибудь ближе, она, ведь, с Вами гораздо больше имеет соприкосновений, чем Вы подумали.

Любящий Вас А. Ремизов.

¹ Ответ на п. 16.

² Имеется в виду редакция журнала «Адская почта» (Петербург, Забалканский пр., д. 20).

³ Квартира Мережковских на Литейном пр. (д. 25, домовладелец — А. Д. Мурузи) в отсутствие хозяев (Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус жили с марта 1906 г. за границей) оставалась на попечении Т. Н. и Н. Н. Гиппиус.

⁴ В книге «Кукха. Розановы письма» Ремизов вспоминает: «С 5 Рождественской мы переехали на Кавалергардскую в достраивающийся дом Пундика „просушивать стены“» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 64).

⁵ Ремизовы были в Берестовце (см. примеч. 2 к п. 3) с 17 июня до 16 июля 1906 г. (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 7).

⁶ Неточная цитата из стихотворения Андрея Белого «Поповна и семинарист» (Золотое руно. 1906. № 4. С. 33—34); в переработанном виде под заглавием «Поповна» вошло в книгу Белого «Пепел» (СПб.: Шиповник, 1909. С. 191—195).

18. С. М. Соловьев и Андрей Белый — Ремизову

Москва. 31 мая 1907 г.¹

31 мая.

Многоуважаемый Алексей Михайлович!

от души благодарю Вас за «Лимонарь»,² который читаю с большим наслаждением.

Целую ручку Наташи.

Издавна Вас любящий Сергей Соловьев.

Р. С. Многоуважаемый, дорогой Алексей Михайлович! Спасибо за «Лимонарь»! Читали ли мою рецензию о «Посолони» в Критическом обозрении (№ 1).³ Привет Серафиме Павловне!

Любящий Вас Борис Бугаев.

¹ Написано на сдвоенном листе, вложены лепестки цветов.

² Книга Ремизова «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (СПб.: Оры, 1907).

³ Рецензия Андрея Белого на книгу Ремизова «Посолони» (М., 1907) была опубликована в московском критико-библиографическом журнале «Критическое обозрение» (1907. Вып. 1. С. 34—36).

19. Андрей Белый — Ремизову

Москва. Середина апреля 1908 г.¹

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Михайлович,

простите меня великодушно. Я должен был у Вас быть в Петербурге; и нес Вам стихи. Вдруг в душе все омрачилось; я, как угорелый, удрал из Петербурга на неделю раньше срока.² Оттого-то не был у Вас. А стихи остались в №.³ Дело в том, что они теперь в рукописи, которую передал в «Шиповник». А второго экземпляра не осталось. Ужасно стыжусь, дорогой Алексей Михайлович, что не могу сделать приятного Наташе.⁵ Постараюсь ей написать еще; и тогда пришло.

Глубокое Вам спасибо за «Часы».⁶ Читаю с наслаждением. На днях вышлю свою «Симфонию»,⁷ которую, увы, никто уже не понимает.

Христос воскрес! Поздравьте с праздником Серафиму Павловну от меня. Целую Наташу.

Остаюсь искренне любящий Вас и глубоко преданный

Борис Бугаев.

¹ Датируется по пасхальному поздравлению в тексте (Пасха в 1908 г. — 13 апреля).

² Белый был в Петербурге с 22 по 25 января 1908 г., 25 января выступал в зале Тенишевского училища с лекцией «Фридрих Ницше и предвестия современности».

³ Подразумевается гостиничный номер.

⁴ Имеется в виду цикл из пяти стихотворений Андрея Белого «Голоса в полях», опубликованный в кн. 6-й «Литературно-художественных альманахов издательства „Шиповник“» (СПб., 1908. С. 153—161), вышедшей в свет в октябре 1908 г.

⁵ Ремизовы ездили к дочери в Берестовец в конце декабря 1907 г., после этого навестили ее в конце июля — начале августа 1908 г. (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 10, 11).

⁶ Роман Ремизова «Часы» (СПб.: Eos, 1908) вышел в свет в самом начале апреля 1908 г. Вероятно, Ремизов выслал Белому экземпляр книги до того, как на нее был наложен арест, впрочем, вскоре снятый (см. комментарии И. Ф. Даниловой в кн.: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 4: Плачущая канава. С. 468—469). 6 апреля 1908 г. Белый сообщал Блоку: «Получил почему-то книжку А. М. Ремизова с надписью „заходите“, будто он думает, что я буду в Петербурге» (Белый и Блок. Переписка. С. 362). Андрей Белый выступил с рецензией на «Часы» (Весы. 1908. № 6. С. 67—68. Подпись: Яновский).

⁷ Книга Андрея Белого «Кубок метелей. Четвертая симфония» (М.: Скорпион, 1908) вышла в свет в начале апреля 1908 г.

20. Ремизов — Андрею Белому
Петербург. 3 октября 1908 г.

3 окт(ября) 1908 г.

СПб. М(алый) Казачий пер. 9, кв. 34.¹

Дорогой Борис Николаевич!

Выслушайте меня и исполните, если хотите, мою к вам просьбу.

Вы знаете, есть писатель Иванов-Разумник (История русской общественной мысли, т. I и т. II. СПб., 1908, изд. 2-ое; Что такое «махаевщина». СПб., 1908; О смысле жизни — Ф. Сологуб, Л. Андреев, Лев Шестов. СПб., 1908).² Он в настоящее время пишет книгу, куда войдете вы — Андрей Белый.³ Книгу он выпустит с портретами. Я взялся достать ваш портрет с автографом под портретом. (Только портрет надо не рисованный, а фотографию.)

Если ничего не имеете, пришлите мне, а я передам.⁴ И это надо скорее. Пока будут на досках вырезать да пока что. Если хотите узнать, что будет за книга, спросите у самого ее автора:

Иванов

Разумник Васильевич

Царское Село

Колпинская ул., д. Кучумова.

Кланяйтесь Сергею Михайловичу и передайте ему мою благодарность за книгу.⁵ Если у него нашлась бы лишняя его первая книга⁶ для меня, сказал бы ему большое спасибо. А вы мне Симфонию не прислали, ну Бог с вами.⁷

А. Ремизов.

¹ Ремизов постоянно жил по указанному адресу с 22 сентября 1907 г. (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 10).

² Перечисляются все вышедшие к тому времени книги критика, публициста, историка русской литературы и общественной мысли Иванова-Разумника (наст. имя — Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946). Ремизов и Иванов-Разумник познакомились в конце апреля — начале мая 1908 г. Об их взаимоотношениях см.: Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; вступ. заметка и коммент. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Публ. и исслед. СПб., (1998). Вып. II С. 19—122.

³ Ср. одновременно появившееся хроникальное сообщение: «Вышла новая книга Иванова-Разумника «О смысле жизни». В настоящее время он предпринял большое исследование о современной русской литературе, начиная с Вольинского и кончая А. Ремизовым и М. Кузминым» (Новая Русь. 1908. 2 окт. № 48. С. 3). Имеется в виду замысел «Критической истории современной литературы», не доведенный Ивановым-Разумником до завершения (см.: Лавров А. В. Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 100—101). Согласно предварительному плану этой книги (1916), 4-я глава 2-й части ее («Вершины символизма и нового реализма») должна была быть посвящена творчеству А. Блока, Вяч. Иванова и Андрея Белого (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 70).

⁴ В тот же день Ремизов обратился письмом с аналогичной просьбой к Блоку (см.: ЛН. Т. 92, кн. 2. С. 85. Публ. А. П. Юловой), а 16 октября 1908 г. — к М. А. Кузмину (см.: Там же. Кн. 3. С. 336). 26 октября 1908 г. Иванов-Разумник писал Ремизову: «Спасибо Вам за хлопоты с карточками. Андрей Белый и Мережковский мне не нужны — я их уже имею; а вот если можете добыть мне Розанова — будет хорошо» (Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. Вып. II, С. 26).

⁵ Имеется в виду сборник сказок в прозе и поэме С. М. Соловьева «Crurifragium» (М., 1908).

⁶ Сборник Сергея Соловьева «Цветы и ладан. Первая книга стихов» (М., 1907).

⁷ См. п. 19, примеч. 7.

21. Андрей Белый — Ремизову
Москва. Конец декабря 1908 г.¹

Дорогой, глубоколюбимый Алексей Михайлович!

С Праздником.² Давно собирался Вам писать. Но, Бог знает что такое, городская жизнь. Часы все распределены, дела, дела, дела — суета сует. И вот таки заболел. Теперь буду отдыхать. Доктора грозят туберкулезом. Ну да это пустяки.³

Дорогой Алексей Михайлович, я Вас ужасно люблю. А вот почему-то мы совсем мало виделись. Это потому, что хочется действительного общения, а не общения литературного только: все меньше и меньше умею общаться «так вообще» с людьми. Литературная сутолока, в которой мы встречались с Вами, не способствует общению: хочется тихих задумчивых слов, человеческого отношения друг к другу, а не профессионального.

Спасибо Вам за письмо.⁴ Я «Пепел» Вам послал.⁵ Разве Вы его не получили? А «Кубок Метелей» я даже боялся послать: уж очень на меня все взелись за книгу.⁶ А я ее люблю: я стал прятать ее, как детище, от чужих глаз. А потом мне было больно: вот, например, 3 года тому назад я Блоку читал отрывки из книги, и он понимал всё. А когда я ему послал свою книгу, то он прислал мне надменный сверху вниз ответ, что не понял в книге ни одного слова.⁷ Я и перестал рассылать ее знакомым.

Спасибо за рецензию:⁸ читал Ваши слова и улыбался: ну конечно, теперь я попал в категорию «бездарных и несносных», и мне перегрызут горло. Что ж, я на это шел: «полюбите нас черненькими, беленькими нас все полюбят».⁹ А в Петербурге надо быть беленьким, т. е. делать вид, что не видишь, что кругом делается, и ангельски à la Блок улыбаться и раскланиваться во все стороны: «нижайше Вам, дражайший», пожимать все грязные руки, участвовать во всех литературных группах и т. д.

«Круговая порука»: наших не выдавай — а «наши» — это всё евреи, черные. Я не юдофоб: но только заметили ли Вы странный факт: русская литература в руках евреев: Чулковы, Абрамовичи, Галичи¹⁰ и т. д. и т. д. «Ты меня хвали, а я буду хвалить тебя» — вот лозунг. Я считаю, что добрые $\frac{3}{4}$ петербургских писателей просто аферисты. И мне больно, что самый неразборчивый аферист — Блок.

Дорогой Алексей Михайлович, скоро я приеду на недельку в Петербург: ¹¹ хотелось бы Вас повидать. Мне теперь легко видеться с людьми: ведь я фактически теперь за порогом литературы

(рухни завтра «Весы» (а это очень возможно — между нами),¹² мне и писать будет негде). Ужасно приятно быть «изгоем»: вокруг очищается воздух, и уже никто не марает душу прикосновением грязных пальцев.

Сейчас у меня ёлка: сам для себя ее сделал; три дня опутывал ее золотой паутиной, и теперь елка моя — чудо: вся блестит.¹³

Я теперь все сижу дома один. Тихо поется, и нежная, нежная заря.

Если напишете мне, буду Вам очень признателен, родной: дайте переписываться, хотите?

Серафиме Павловне мой поклон: ужасно хочу с ней повидаться. Христос с Вами.

Борис Бугаев.

Р. С. «Кубок Метелей» я Вам пришлю: сейчас у меня нет книги; как только достану книгу (в «Скорпионе»), вышлю.

¹ Датируется по соотнесению с п. 22. 2 января 1909 г. Белый сообщил М. С. Шагинян: «... в эти дни я должен был писать длинное, длинное письмо А. М. Ремизову, которого очень люблю (он тоже обижен), после двухлетнего молчания на его письма» (*Шагинян М. Человек и время: История человеческого становления. М., 1982. С. 246*).

² Рождество.

³ Ср. ретроспективную запись Белого о декабре 1908 г.: «... я измучен и заболел; меня — печат» (*Белый Андрей. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 46*). 2 января 1909 г. Белый писал М. С. Шагинян: «... доктор запретил мне очень строго в теперешнем моем состоянии выходить при повышении температуры: я на волоске от катара легких, а случись со мной катар, он неминуемо осложнится в чахотку» (*Шагинян М. Человек и время. С. 45*).

⁴ Это письмо Ремизова к Белому, видимо, не сохранилось.

⁵ Книга стихов Андрея Белого «Пепел» (СПб.: Шиповник, 1909) вышла в свет в начале декабря 1908 г.

⁶ См. п. 19, примеч. 7. Предположение о том, что «Кубок метелей» будет встречен читателями с непониманием и вызовет неприятие, Белый высказывал и в авторском предисловии к книге: «Оканчивая свою „Четвертую Симфонию“, я нахожусь в некотором недоумении. Кто ее будет читать? Кому она нужна?» — и т. д. (*Белый Андрей. Симфонии. Л., 1991. С. 252*).

⁷ 24 апреля 1908 г. Блок писал Белому: «Я прочел „Кубок Метелей“ и нашел эту книгу не только чуждой, но глубоко враждебной мне по духу. С моей точки зрения, там очень много кощунственного (...). Даже с внешней стороны (литературной) я совершенно отрицаю эту симфонию, за исключением немногих мест, уже по одному тому, что половины не понимаю (но и никто не понимает)» (*Белый и Блок. Переписка. С. 363—364*). В ответном письме от 3 мая Белый объявил Блоку, что прерывает с ним отношения (см.: Там же. С. 364—365).

⁸ Видимо, неизвестное нам письмо Ремизова (см. примеч. 4) содержало отзыв о произведениях Белого.

⁹ «Полюби нас чернинькими, а белинькими нас всякой полюбит» — неоднократно повторяемая фраза в беседе Чичикова с генералом Бетрищевым в главе II 2-го тома «Мертвых душ». См.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 7. (Л.), 1951. С. 164—168.

¹⁰ Николай Яковлевич Абрамович (псевдоним — Н. Кадмин; 1881—1922) — критик, прозаик, поэт, публицист. Леонид Евгеньевич Галич (наст. фам. — Габрилович; 1878—1953) — критик, публицист. Включение в этот ряд Г. И. Чулкова, русского по национальности писателя, свидетельствует о том, что слово «еврей» в данном употреблении подразумевает прежде всего негативный оценочный смысл, объединяя определенные явления в современной литературе, неприемлемые для Белого, а не только и не столько национальную принадлежность.

¹¹ Белый приехал в Петербург на несколько дней в середине января 1909 г.

¹² В октябре — декабре 1908 г. в редакции журнала «Весы» создалась кризисная ситуация, грозившая привести к прекращению издания, но положительно разрешившаяся к концу января 1909 г. См.: Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весы»: (К истории издания) // ЛН. М., 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 302—306.

¹³ В письмо к Вяч. Иванову, отправленное 30 декабря 1908 г., Белый вложил нити позолоченной елочной мишуры, поясняя: «Вот нить с моей елки; я убирал мою елку три дня золотом с любовью и миром. Да протянется между нами золотая нить, если может она протянуться. Пусть скрепит она то между нами, что еще не очернено *ими*» (РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 29).

22. Ремизов — Андрею Белому

Петербург. 5 января 1909 г.¹

Под Крещение 1909

М(алый) Казачий пер. 9, кв. 34

Ваше письмо, дорогой Борис Николаевич, я получил под новый год, и встретил новый год мысленно с Вами. Заступаюсь за Вас на торжищах и перекрестах (так!) и в тупиках. За книгу стихов очень благодарю. Посвящение Ваше меня очень тронуло.² Книга Ваша хорошая и достанется русским, как дар, — подлинно русское и плачет и беснуется в ваших песнях. Я Вам еще одну жидовскую рецензию сохраняю и на Вашей лекции передам Вам, опять из «Речи», опять поэта XIX в.³

«Кубок метелей» читал на Пасхе, Кузмин давал читать.⁴ Я хотел бы еще раз прочесть. Думаю, что читателям она показалась очень трудной, это тем читателям, которые взялись за всю книгу. Большинство же ограничилось чтением страницы про Жоржа Нулкова.⁵ Я же в одном упрекнул бы Вас: простоты, простоты больше.

В «Весы» послал я рассказ «Жертву».⁶ Читали ли Вы? по душе ли рассказ Валерию Яковлевичу?⁷

Серафима Павловна Вам кланяется.

17(-го) Вы в Петербурге, это верно?

А. Ремизов.

Тут у нас основывается газета «Луч света» с русскими сотрудниками. Одно горе — на передовые статьи, должно быть, жиды пригласят, никто не умеет. Из знакомых участвуют Гумилев Н. С., гр. А. Н. Толстой, я, Блок, Городецкий и Г. И. Чулков.⁸ Я бы очень, очень хотел, чтобы Вы дали Ваши стихи русские. Редактор — такой есть Каменский В. В. К счастью, этот Каменский смотрит не криво и держит все сам.⁹ О «Пепле» рецензию надо предложить написать Ю. Верховскому — он умеет писать, или Гумилеву.¹⁰

А. Ремизов.

¹ Ответ на п. 21.

² Имеется в виду книга Белого «Пепел», она включает посвященное Ремизову стихотворение «Осинка» (С. 45—53).

³ Имеются в виду лекция Андрея Белого «Настоящее и будущее русской литературы», назначенная на 17 января 1909 г. в зале Тенишевского училища, и статья Н. А. Тэффи (подписанная псевдонимом: Поэт XIX столетия) «Чающие от юродивого» (Речь. 1908. 29 дек. № 320. С. 3; см.: Андрей Белый: pro et contra: Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников: Антология. СПб., 2004. С. 120—122) — полемический ответ на статью Антона Крайнего (З. Н. Гиппиус) «Белая стрела», помещенную в том же номере «Речи». Указанная статья Гиппиус была написана в защиту Андрея Белого и в опровержение резко критической рецензии Тэффи (Поэт XIX столетия) на «Пепел», ранее появившейся в «Речи» (1908. 22 дек. № 315. С. 3). Подробнее см.: Клягина М. Е. Тэффи и Андрей Белый // Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М., 1999. С. 260—279.

⁴ Заключительная строфа стихотворения Михаила Алексеевича Кузмина (1872—1936) «Окна плотно занавешены...» (декабрь 1907 г.) предпослана эпиграфом к «Кубку метелей». См.: Белый Андрей. Симфонии. С. 252.

⁵ Под именем Жеоржия Нулкова в «Кубке метелей» в сатирически-гротескном ключе изображен Г. И. Чулков (см.: Там же. С. 265—268).

⁶ Рассказ «Жертва» (1908) был опубликован в № 1 «Весов» за 1909 г. (С. 42—56), вошел в книгу Ремизова «Рассказы» (СПб.: Прогресс, 1910. С. 2—42).

⁷ Высывая на имя Брюсова рукопись рассказа «Жертва», Ремизов спрашивал его в письме от 28 декабря 1908 г.: «Будет ли рассказ по душе Вам? Известите, когда он может появиться в журнале, чтобы я мог дать сведения для газетных хроник» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 206). Ответный отклик Брюсова нам неизвестен.

⁸ «Луч света» — согласно обозначению в № 1 (1909. 15 янв.): «Ежедневная общественная, политическая и литературная газета. Временно выходит по четвергам» (редактор-издатель Е. Белков, редакция и контора — Разъезжая ул., д. 37). В № 2 от 22 января было объявлено, что следующий номер выйдет 1 февраля, после чего газета станет ежедневной, однако на втором номере издание прекра-

тилось. В № 1 были напечатаны, среди прочих материалов, прозаическая миниатюра Ремизова «Весенний гром», рассказ Василия Каменского «Побег», статьи «К земле!» Пимена Карпова и «Салон 1909 г.» Н. Кульбина, в № 2 — стихи Дмитрия Цензора, Пимена Карпова, статья Сергея Митрофановича Городецкого (1884—1967) «Песни о России», сказка графа Алексея Николаевича Толстого (1882—1945) «Горшок», фельетон Саши Черного «Записки резонера. Опять...» (включавший иронический отклик о лекции Андрея Белого) и другие материалы. Дважды в газете в рубрике «Литературный дневник» был упомянут рассказ Ремизова «Жертва»: «В „Вессах“ в скором времени будет напечатан рассказ А. Ремизова о мертвец, возвращенном к жизни силою жертвы» (№ 1. С. 6); «Ремизов написал несколько новых рассказов. Один из них „Жертва“ будет напечатан в 1 номере „Весов“ в текущем году» (№ 2. С. 6). Публикаций Николая Степановича Гумилева (1886—1921), А. А. Блока и Г. И. Чулкова в «Луче света» не было.

⁹ Василий Васильевич Каменский (1884—1961) — поэт, прозаик; в 1910 г. — один из организаторов литературной группы кубофутуристов. Живя в Петербурге с 1906 г., в 1908 г. был секретарем и затем соредактором журнала «Весна». О его встречах с Ремизовым в это время см.: Каменский В. *Путь энтузиаста: Автобиографическая книга*. Пермь, 1968. С. 92. Об издании «Луча света» Каменский сообщает: «В Петербурге возникла ежедневная газета Белкова — „Луч света“. Меня пригласили редактировать. Я сгруппировал почти всю новую литературу. Предложил сотрудничать Ф. Сологубу, Алексею Ремизову, А. Блоку, Вяч. Иванову, Кузмину, Г. Чулкову, Хлебникову, Гумилеву, Городецкому. На одном из первых редакционных собраний Г. Чулков и Городецкий, вероятно из желания завладеть моим портфелем редактора, осудили зло мой образ действий. Я ушел из редакции и газета кончилась» (Каменский В. *Его — моя биография великого футуриста*. М., 1918. С. 96).

¹⁰ Юрий Никандрович Верховский (1878—1956) — поэт, переводчик, литературовед. Ни он, ни Гумилев рецензии на «Пепел» Андрея Белого не опубликовали.

23. Андрей Белый — Ремизову

Москва. Около 10 марта 1909 г.

Дорогой Алексей Михайлович!

Простите, что так давно Вам не писал.

Просто ужас, как устал.

Дорогой Алексей Михайлович, — я к Вам обращаюсь по делу. Вы, вероятно, слышали о безобразиях в Кружке у меня, В. И. Иванова, Мережковского, Городецкого.¹

Такая гадость завелась, а между тем раз писатели нашего направления, тем не менее писатели, идут туда; остается одно; раз навсегда разорвать с Кружком; дело идет не о литературном направлении, а о писателях (какого бы ни было толка) себя уважающих. Но это потом; сейчас же возмутительные действия публики и хулиганов обрушились на С. А. Соколова. Его Дирекция, как пред-

седателя,² просила обрывать неприличия, и при попытке остановить Бурнакина, который всех нас позорил, разразился скандал.³

Теперь его травят газеты:⁴ мы организуем протест для напечатания в газетах. Мережковский, Брюсов, Иванов, Городецкий получают соответствующие листы. Не присоединитесь ли Вы, не соберете ли Вы несколько подписей. Надо проучить отвратительного сорта жидков, которые творят Бог знает что. Здесь в Москве организуется протест вообще не ходить в Кружок, не соглашаться читать рефераты. А пока нельзя оставлять, по-моему, без выражения сочувствия С. А. Ведь он, собственно говорить, терпит за всех нас. А на него форменная травля.⁵

Ну всего хорошего.

Любящий Вас Борис Бугаев.

Р. С. Я уезжаю.⁶ Хотелось бы иметь ответ: форма сочувствия такова.

М. Г. г. Редактор.

Выражая резкое осуждение той травле, которая велась последнее время в части московской прессы по адресу С. А. Соколова (Сергея Кречетова), как председателя многих «вторников» М(осковского) Литературно-Художественного Кружка, мы считаем нужным открыто изъяснить С. Кречетову наше совершенное сочувствие.⁷

Прошу ответить телеграммой, согласны ли Вы примкнуть к адресу. Москва. Козицкий пер., д. Бахрушина, кв. 198. С. А. Соколову.

Если примкнет кто еще, просим писать; ответ — до субботы⁸ (суббота — последний срок).

¹ Имеется в виду Московский Литературно-художественный кружок, регулярно устраивавший публичные выступления писателей. 27 января 1909 г. в ходе прений по докладу Вяч. Иванова «О русской идее» там случился скандальный инцидент между Андреем Белым и малоизвестным писателем Ф. Ф. Тищенко (см.: *Белый Андрей*. 1) Между двух революций. С. 233—234; 2) О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 344). Инцидент подробно освещен в статье Н. А. Богомолова «История одного литературного скандала» (*Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исслед. и материалы*. М., 1999. С. 239—254).

² С. А. Соколов (Кречетов) не был председателем Литературно-художественного кружка (эту должность с 1908 г. исполнял В. Я. Брюсов), но регулярно выступал в роли председателя — ведущего на его собраниях.

³ Анатолий Андреевич Бурнакин (? — 1932) — критик, журналист, поэт; в конце 1900-х гг. приобрел своеобразную известность благодаря своим публичным и печатным выступлениям, направленным, в частности, против современной модернистской литературы. В данном случае речь идет о собрании Кружка 3 марта, на котором выступил С. Городецкий с докладом «Ближайшая задача русской литературы», вскоре опубликованным в журнале «Золотое руно» (1909. № 4. С. 66—81). В газетном отчете сообщается: «Возражать референту записались многие, но удалось сказать несколько слов только двум первым — М. Шику и А. Бурнакину. Оба они с негодованием обрушились на референта за его высшее восхваление декадентства. Первый сравнил декадентов с вагнеровскими гомункулусами, а второй назвал их живыми мертвецами. Увлечшись негодующим чувством, А. Бурнакин энергично стукнул по кафедре, чем вызвал замечание председательствующего, просившего оппонента вести себя спокойнее (*В публике раздаются жидкие хлопки*). А. Бурнакин возражает, что подобного рода замечания не входят в компетенцию председателя (*В публике — громкие аплодисменты*). Председательствующий считает недопустимой критику своих слов и лишает оппонента слова. Тогда публика устраивает А. Бурнакину овацию. Председательствующий не нашелся сделать ничего другого, как закрыть заседание. Занавес задергивают, и на эстраде и в коридорах начинается волнение. Под крики десятков голосов более благоразумная часть публики спешит к выходу» («В Литературно-художественном кружке» // Русские ведомости. 1909. 4 марта. № 51. С. 4).

⁴ В ряде газетных репортажей в освещении происходившего на собрании Литературно-художественного кружка сказывались сочувствие выступлению Бурнакина и осуждение действий председательствующего. В. М. Голиков, приводя в ироническом пересказе одно из высказываний Городецкого («От связи декадентства с народом вырастет великое дерево нового искусства, которое удивит мир. Кто иначе думает, тот — Азеф!...»), сообщил, что на эти заявления начал возражать «г. Анатолий Курнакин (так!», молодой человек с нервным лицом и длинными волосами):

«Сильно горячась, он заявил, что пускай его считают Азефом, но он должен заявить, что современные декаденты — это живые мертвецы, в которых искусственно впрыснута живая вода. Он утверждает, что от связи декадентов с народом не выйдет ничего путного, так как ни Иванов, ни Ремизов, ни сам докладчик Городецкий не имеют никакой реальной ценности...»

— Г. Городецкий сравнил Сологуба с Гоголем! — волнуясь восклицает он. — Да как он смеет делать такие сравнения!

При этом г. Курнакин энергично ударяет кулаком по кафедре.

Среди декадентов сильное волнение. Председательствующий г. Кречетов иронически заявляет: «г. Курнакин, прошу вас не волноваться!»

— А я прошу вас не делать мне замечаний, — возражает тот. В публике гром аплодисментов. Председатель поднимается и, величественно протягивая руку, заявляет:

— Вы не имеете права разговаривать с председателем! Лишаю вас слова!

Теперь громко аплодируют декаденты на эстраде, но публика энергично принимает сторону г. Курнакина. Раздаются свистки, шиканье, крики:

— Долой председателя!

Г. Курнакин обращается к публике:

— Я буду продолжать!

Раздается дружное „просим!“ и гром аплодисментов. Сергей Кречетов что-то кричит, но никто его не слушает. Тогда внезапно сдвигается занавес и скрывает председателя со всей его декадентской армией.

Но из-за занавеса снова появляется настойчивый г. Курнакин и громогласно заявляет:

— Если так, я буду говорить отсюда!

Снова крики, гвалт и рукоплескания, но упорного с декадентской стороны потихоньку вытесняют с эстрады.

Материальная победа на стороне декадентов. Г. Курнакину так и не дали договорить.

Но моральная, несомненно, на стороне оппозиции, и сам председатель победоносного воинства г. Кречетов под шиканье публики позорно отступает в буфет» (*Wg* (Голиков В. М.). «О дети, дети, как опасны ваши лета» (В литературно-художественном кружке) // *Голос Москвы*. 1909. 4 марта. № 51. С. 5).

В другом газетном отчете вина за скандал полностью возлагалась на Соколова: «Люди почтенные, бородатые по милости выходки мальчика принуждены были уходить домой на самом интересном месте. (...) Кто такое Соколов? (...) Почему в руки мальчика, а не мужа отдана судьба такого симпатичного учреждения, как литературные вторники? Говорят, он товарищ председателя. Не товарищ председателя, а младенец председателя Соколов, и доказывает это он своими ребяческими выходками» (*Шебуев Н.* В Кружке // *Раннее утро*. 1909. 5 марта. № 52. С. 2). В той же газете инцидент в Литературно-художественном кружке стал темой стихотворного фельетона, опять же с выпадами по адресу Соколова:

Облеченный твердой властью,
Он не склонен к беспристрастью,
Чем унять стараться зал,
Сам же бьет он на скандал;
Где «моя рука — владыка»,
Тишины ждать было б дико,
Не оратора вина,
Что исчезла тишина...

(*Меб* (Бескин М. М.). Снова «вторник»: (К последнему скандалу) // *Раннее утро*. 1909. 6 марта. № 53. С. 2). Через день, 8 марта, в «Раннем утре» (№ 55. С. 2) появился еще один фельетон того же автора («Мой синематограф (За неделю)», в котором в очередной раз муслировалась та же тема.

⁵ Свое освещение инцидента дал С. А. Соколов в письме к Ф. Сологубу от 11 марта 1909 г.: «В этом сезоне мне пришлось председательствовать почти на всех „вторниках“ Литерат(урно)-Худож(ественного) Кружка и в качестве председателя не раз одерживать различных хулиганов, выступавших с скандальной руганью против „декадентов“, хулиганов вроде всемирно-известного бурнакина (...). После „вторника“ 3 марта, когда я лишил слова бурнакина, дикая часть публики устроила скандал, и мне пришлось прикрыть заседание. Теперь газетчики в течение целой недели ежедневно поливают меня самыми гнусными помоями. Конечно, я являюсь в этом случае лишь символом, — целят через мою голову. Теперь готовится в мою защиту коллективный литературный протест». Приведя в письме текст протеста и прося Сологуба поставить под ним свое имя, Соколов добавлял: «Собираются подписи в Москве и в Петербурге. Белый писал В. Иванову и Мережковским. (...) Печатать придется в 2 понедельничных газетах („Русское)

Слово" — против). Сдавать в печать надо в субботу, 14(-го)» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 636).

⁶ Подразумевается поездка в Киев, где 14 марта Белый прочитал в театре Медведева лекцию «Современность и Пшибышевский».

⁷ Письмо в редакцию этого содержания было опубликовано в выходивших по понедельникам московских газетах «Столичная молва» (1909. 16 марта. № 48. С. 5) и «Руль» (1909. 16 марта. № 162. С. 3). Подписи под текстом: Федор Сологуб. Андрей Белый. Алексей Ремизов. Сергей Соловьев. Эллис. Ю. Балтрушайтис. М. Ликиардопуло. Борис Садовской. А. Кондратьев. Нина Петровская. М. Шик. Н. А. Попов. Прив.-доц. А. О. Бачинский. Г. Г. Шпетт. Прив.-доц. С. Шамбинаго. Прив.-доц. А. Боровой. А. Чеботаревская. Alexander (А. Я. Брюсов). Сергей Городецкий. Борис Зайцев. Георгий Чулков. Г. Тастевен. Василий Милиоти. А. Тимофеев. П. К. Иванов. В. Ходасевич. Одинокий (А. И. Тиняков). Е. Янтарева. А. Мирэ. (В публикации «Руля» последняя подпись — А. Мирэ — отсутствует).

⁸ Суббота — 14 марта.

24. Ремизов — Андрею Белому Петербург. 16 сентября 1909 г.

16 сент(ября) 1909
М. Казачий пер. 9, кв. 34.

Дорогой Борис Николаевич!

Я обращаюсь к Вам с просьбой: если найдете возможным и удобным, напечатайте в «Весах» письмо мое в «Рус(ские) Ведомости». Если же оно чересчур длинно, то, может быть, частью.¹

Единственные «Рус(ские) Вед(омости)» — слишком мало, другие газеты воздержались перепечатывать.

Впрочем, как сами думаете.

Серафима Павловна вам кланяется.

А. Ремизов.

Не курите!

¹ Речь идет о Письме в редакцию Ремизова, опубликованном в газете «Русские ведомости» 6 сентября 1909 г. (№ 205. С. 5) и перепечатанном в «Золотом руне» (1909. № 7/9. С. 145—148). См.: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 2: Докука и балагурье. С. 607—610. «Весы» этот текст Ремизова не перепечатали. В нем Ремизов опровергает обвинения в плагиате, выдвинутые против него в статье «Писатель или списыватель» за подписью «Мих. Милов» (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 16 июня. № 11160. С. 5), — на основании текстовых параллелей между двумя сказками Ремизова и текстами-первоисточниками из фольклорного сбор-

ника Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (СПб., 1908). Об этом Ремизов подробно рассказывает в книге «Петербургский буерак» (см.: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 185—192, 467—469 — комментарии А. М. Грачевой). См. также: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 159—173; Данилова И. Ф. Писатель или списыватель? (К истории одного литературного скандала) // История и повествование / Под ред. Г. В. Обатнина и П. Песонена. Хельсинки; М., 2006. С. 279—316.

25. Ремизов — Андрею Белому

Петербург. Середина мая 1910 г.

СПб. М. Казачий пер. 9, кв. 34.
А. Ремизов.

Дорогой Борис Николаевич!

Книгу Вашу вчера получил, спасибо.¹ Хотелось бы получить Апрель С. Соловьева и Стихи З. Н. Гиппиус.²

Посылаю Вам (прилагаю к письму) содержание моей книги, о которой писал Вам.³ Может, Вы покажете Мусажету, а он, прочитав содержание книги, скажет: подходит она к издательству или не подходит.⁴

Всего вам хорошего.

Серафима Павловна кланяется Вам.

А. Ремизов.

¹ Имеется в виду «Символизм. Книга статей» Андрея Белого (М.: Мусажет, 1910), вышедшая в свет в конце апреля 1910 г.

² Книги, выпущенные в свет издательством «Мусажет», — «Апрель. Вторая книга стихов. 1906—1909» Сергея Соловьева (М., 1910), появившаяся в конце февраля 1910 г. (первая книга новообразованного издательства), и «Собрание стихов. Кн. 2. 1903—1909» З. Н. Гиппиус (М., 1910), появившаяся одновременно с «Символизмом» Белого.

³ Упоминаемое письмо Ремизова к Белому, вероятно, не сохранилось. Речь идет о сборнике рассказов Ремизова.

⁴ Под Мусажетом в этой фразе подразумевается, видимо, руководитель издательства Эмилий Карлович Метнер (псевдоним — Вольфинг; 1872—1936) — литературный и музыкальный критик, философ-культуролог. В книге «Петербургский буерак» Ремизов сообщает: «Я затеял через Андрея Белого предложить Метнеру в Мусажет книгу рассказов» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 193).

26. Ремизов — Андрею Белому
Петербург. 24 мая 1910 г.

24 V 1910. СПб., М(алый) Казачий пер. 9, кв. 34. А. Ремизов.
6 VI

Дорогой Борис Николаевич!

Вчера я получил от Вар(вары) Григ(орьевны) Мирович письмо, в котором она извещает меня о отказе Мусажета.¹ Письма от самого Мусажета я еще не получил. Все это очень печально. Если я обратился к Мусажету, то единственно памятуя Ваши слова после «Неуемного бубна», что Мусажет мою книгу новую издаст обязательно.² Все это очень грустно. Мне хотелось бы знать мотивы отказа действительные, по правде, а не такие, как пишут из книгоиздательств. О этом прошу Вас. А я, зная: как и почему, буду в виду иметь. А то начнешь полагаться и рассчитывать и ничего путного не выйдет, хуже того выйдет.

Сейчас я должен уехать из Петербурга, поместиться в санатории.³ Денег у меня нету. Деньги пришли бы только от аванса за книгу. Вы понимаете, почему отказ Мусажета для меня значит. Идти мне некуда. В «Аполлон» меня под благовидным предлогом не принимают,⁴ да и жизни «Аполлону» написан уж срок.⁵ И я в воздухе между Аполлоном — Мусажетом, Речью⁶ и К° и твердынями русского просвещения — Вест(ником) Евр(опы), Мир(ом) Б(ожиим), Нов(ым) Врем(енем)⁷ и К°. Я против этого ничего не имею. В данном случае мне досадно, что Вы из добрых чувств своих меня очень обнадежили. Без Вас я не обратился бы в Мусажет.

Всего Вам хорошего.

А. Ремизов.

¹ См. п. 25, примеч. 3, 4. Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович (1869—1954) — поэтесса, критик, детская писательница. К издательству «Мусажет» непосредственного отношения не имела. Письмо ее к Ремизову нам неизвестно.

² Имеется в виду чтение Ремизовым повести «Неуёмный бубен» (другое название — «Стратилатов») в редакции петербургского журнала «Аполлон», на котором присутствовал Белый; оно состоялось 11 февраля 1910 г. (9 февраля Ремизов извещал В. Э. Мейерхольда: «11-го вечером я читаю в Академии (в Аполлоне) рассказ» // РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2303). Рассказывая об этом чтении в книге «Петербургский буерак», Ремизов отмечает: «Необыкновенное впечатление на Андрея Белого. На него накатило — чертя в воздухе сложную геометрическую

конструкцию образ Ивана Семеновича Стратилатова, костромского археолога, рассекая гипотенузой, он вдруг остановился — необыкновенное блаженство разлилось по его лицу: преображенный Стратилатов реял в синих лучах его единственных глаз» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 194). Вспоминая в «Петербургском буераке» об этом «историческом вечере», Ремизов называет в числе слушателей — скорее всего в силу аберрации памяти — И. Ф. Анненского (скончавшегося 30 ноября 1909 г.) и М. А. Волошина (находившегося с конца января 1910 г. вне Петербурга). О том же чтении Ремизов упоминает в книге «Кукха» (см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 92).

³ Весь июнь 1910 г. Ремизов провел на лечении в санатории М. М. Волковой в Усикирко (Финляндия), дер. Тур-Киля (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 14).

⁴ В «Петербургском буераке» Ремизов вспоминает в этой связи: «„Неуемный бубен“ (...) „Аполлон“ не принял: С. К. Маковский, возвращая рукопись, мне объяснил на петербургском обезьяньем диалекте: по размерам не подходит, у них нету места, печатается большая повесть Ауслендера» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 195). О том же Ремизов пишет в книге «Мерлог»: «„Неуемный бубен“ — последняя надежда — был отвергнут ред. „Аполлона“, хотя устно — и И. Ф. Анненский и Вяч. И. Иванов и С. К. Маковский и Н. С. Гумилев и М. А. Кузмин и Е. А. Зноско-Боровский выражали мне только сочувствие» (Ремизов А. М. Неизданный «Мерлог» / Публ. А. д'Амелиа // Минувшее: Ист. альм. Paris, 1987. Вып. 3. С. 227). См. также вступительную статью А. М. Грачевой к публикации переписки Вяч. И. Иванова и Ремизова (Вячеслав Иванов: Материалы и исслед. М., 1996. С. 82—83) и недатированное письмо Ремизова к Иванову (Там же. С. 96—97, 115 — примеч. А. М. Грачевой).

⁵ Журнал «Аполлон» издавался до 1917 г. включительно, однако с 1911 г. публикация в нем художественной прозы прекратилась, сохранились лишь подборки стихов.

⁶ «Речь» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, выходившая в Петербурге с 1906 г., выражала позиции конституционно-демократической партии. Произведения Ремизова появлялись в «Речи» с 1908 г.

⁷ Петербургские ежемесячные журналы «Вестник Европы» (1866—1918), «Мир Божий» (1892—1906; после закрытия в августе 1906 г. возобновлен с октября 1906 г. под заглавием «Современный мир») и ежедневная петербургская газета консервативного направления «Новое время» (1868—1917). Ни в одном из этих изданий Ремизов не печатался.

27. Андрей Белый — Ремизову Москва. Третья декада мая 1910 г.

Дорогой Алексей Михайлович,

с большим прискорбием пишу Вам: с прискорбием, потому что мне так хотелось бы, чтобы Ваша книга вышла у нас: ¹ а между тем, несмотря на то, что я ее все время отстаивал, большинство лиц, причастных Редакции (Метнер, Рачинский, Петровский, Шпетт ² и т. п.), указывали на то, что издание Вашей книги не входит в план

издательства; и вот почему: задача издательства — 1) переводные книги по эстетике, 2) теоретические книги оригинальные, 3) серия мистиков;³ указывали на то, что стихи Соловьева и З. Н. Гиппиус⁴ уже отступление от плана. Далее с бюджетом, которым мы располагаем, мы по крайней мере 1 ½ года не можем принимать ничего нового, ибо уже дали согласие на издания до 16 книг (всё указанного выше содержания): Бёме, Экхарт,⁵ и т. д. Далее указывали на то, что «*Неуёмный бубен*» уже напечатан в альманахе «*Журнала для всех*», вышедшего 2-м изданием⁶ (а у нас принцип печатать в редких случаях литературу, да и то лишь произведения, в первый раз появляющиеся в печати); я бы тоже теперь не мог бы предложить издательству беллетристики года 1 ½—2 (если буду печатать 2-ую и 3-ью часть «*Голубя*», то только через несколько лет).⁷

Мне было больно и трудно с этим согласиться, и я все откладывал Вам ответ, думая, что мне удастся склонить к изданию; но получил в деревню письмо, извещающее меня о принятом уже решении.⁸ Дорогой Алексей Михайлович, мне очень больно, но верьте, я ничего не мог предпринять, ибо наш Ред(актор)-Издатель действует на основании большинства голосов лиц, принимающих участие в издательстве.⁹ Остаюсь искренне любящий Вас

Борис Бугаев.

¹ См. п. 25, примеч. 3; п. 26.

² Григорий Алексеевич Рачинский (1859—1939) — переводчик, философ, председатель Религиозно-философского общества в Москве. Алексей Сергеевич Петровский (1881—1958) — переводчик, сотрудник Библиотеки Румянцевского музея; близкий друг Белого с юношеских лет (см.: Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. 1902—1932 / Вступ. ст., сост., коммент. и подгот. текста Дж. Малмстада. М., 2007). Густав Густавович Шпет (Шпетт; 1879—1937) — философ, литературовед, переводчик.

³ О программных установках издательства «Мусaget» см.: Толстых Г. А. Издательство «Мусaget» // Книга: Исслед. и материалы. М., 1988. Сб. LVI. С. 112—133.

⁴ Подразумеваются изданные «Мусagetом» стихотворные книги этих авторов (см. примеч. 2 к п. 25).

⁵ Книги немецких религиозных философов-мистиков Якоба Бёме (1575—1624) «*Аугога, или Утренняя Заря в восхождении*» (Перевод Алексея Петровского. М.: Мусaget, 1914) и Мейстера Экхарта (ок. 1260—1327) «*Проповеди и рассуждения*» (Перевод и вступ. статья М. В. Сабашниковой. М.: Мусaget, 1912).

⁶ Повесть Ремизова «*Неуёмный бубен*» была впервые опубликована в «Альманахе для всех» (Кн. 1. СПб.: Изд. «Нового Журнала для всех», 1910), собственно в «Новом Журнале для всех» не появлялась; вторично была напечатана в томе 1-м Сочинений А. Ремизова (СПб.: Шиповник, (1910)).

⁷ Написанный в 1909 г. роман «Серебряный голубь» (М.: Скорпион, 1910) Белый осознал первой частью задуманной сюжетно-тематической трилогии, из которой была осуществлена в 1911—1913 гг. в существенно измененном по отношению к первоначальному замыслу виде лишь вторая часть — роман «Петербург» (см.: Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С. 201—206).

⁸ Это письмо — возможно, от Э. К. Метнера — нам неизвестно. В мае 1910 г. Белый жил в Демьянове (Клинский уезд Московской губ.).

⁹ В «Петербургском буераке» Ремизов вспоминает о получении этих известий от Белого: «На большом листе аршинными косыми буквами неистовый ответ Андрея Белого: Метнер отказал. Тут вот Котылев и вынудил Стракуна подписать контракт на издание моей книги — Рассказы, Прогресс, 1910 г.» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 193). Книга Ремизова «Рассказы» была выпущена петербургским издательством «Прогресс», однако, еще в ноябре 1909 г., рецензировалась в периодике за декабрь 1909 г. (см.: Летопись литературных событий. 1908—1917 годы // Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917. М., 1972. С. 436—437); тем самым взаимосвязи между двумя событиями, отмеченными в приведенной цитате, существовать не могло. Ср. замечание в «Мерлоге» Ремизова: «Все издательства отказались издавать мои книги — от Горького («Знание») до Андрея Белого («Мусагет»)» (Минувшее: Ист. альм. Paris, 1987. Вып. 3. С. 227). Потерпев неудачу в «Мусагете», Ремизов предложил книгу «„Неуемный бубен“ и другие рассказы» в издательство «Шиповник» (договор на ее издание датирован 1 июня 1910 г., см.: РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 129. Л. 8—8 об.), но и там она не печатана не была — составив позднее, в основе своей, 1-й том Сочинений Ремизова, начатых изданием в «Шиповнике» осенью 1910 г.

28. Андрей Белый — Ремизову Москва. 13 сентября 1910 г.¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Неужели это — Вы? Ужасно жалею, что сейчас по делу (срочно-му). Не потелефоните ли от 3 ½ до 4 ½ по номеру 179 — 50, чтобы условиться, где встретиться.²

От 3 ½ до 4 ½ я буду в Редакции «Мусагета».³

Если бы заглянули в это время, страшно обрадовали бы.

Любящий Вас

Б. Бугаев.

¹ Датируется по связи с п. 29.

² В списке адресов и маршрутов своих поездок Ремизов датирует пребывание в Москве 5—14 сентября (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 14). Ср. сообщение в письме Ремизова к И. А. Рязановскому (Петербург, 18 сентября 1910 г.): «Поехал я в Москву

доктору показываться. Лечение оставлено старое еще на год (...) изъязвление желудка моего осталось, но язвы утихают» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 31).

³ Адрес редакции издательства «Мусaget» — Пречистенский бульвар, д. 31, кв. 9.

29. Ремизов — Андрею Белому

Москва. 14 сентября 1910 г.

14 сент(ября) 1910.

Москва.

Дорогой Борис Николаевич!

Сегодня я уезжаю, и очень мне жаль, что не увидел Вас. Заходил я к Вам 12-ого вечером, а потом 13-ого в 12-ь дня — Ваше письмо на пороге принял,¹ — 13-го вместе с Серафимой Павловной заходили к Вам. Значит, не судьба в этот раз видеться.

Просил я Валерия Яковлевича передать «Мусagetу» о присылке изданных книг мне в Петербург.²

С 20-ого сентября мой адрес:

Петербург, Таврическая 3 в, кв. 23.³

«Луг зеленый» пришлите.⁴

Читал Вашу статью в Утр(е) Росс(ии).⁵ Прекрасно. Давно следовало написать. Хотел с Вами поговорить о «стиле» прозы. Ну, — не пришлось.

До свидания. Не забывайте.

Всего Вам хорошего.

А. Ремизов.

Серафима Павловн(а) шлет Вам поклон.

Как жалко, что не пришлось увидеться!

А. Р.

¹ Имеется в виду п. 28 (оставленное Белым для передачи Ремизову по получении известия о его приезде в Москву).

² Прибегая к посредничеству Брюсова, Ремизов явно избегал личных контактов с редакцией «Мусagetа» после отказа в издании книги своих рассказов (см. п. 26, 27).

³ В письме к И. А. Рязановскому из Петербурга от 18 сентября 1910 г. Ремизов сообщил, что будет жить по этому адресу (дом Хренова) «со вторника» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 31), т. е. с 21 сентября.

⁴ «Луг зеленый. Книга статей» Андрея Белого (М.: Альциона, 1910) вышла в свет в конце июля 1910 г.

⁵ Имеется в виду памфлетный очерк Андрея Белого «Великий лгун. Этюд» (Утро России. 1910. 12 сент. № 247. С. 4—5).

30. Андрей Белый — Ремизову

Москва. После 15 сентября 1910 г.¹

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

Какая досада, что мы не увиделись. Как раз 10 дней я не мог быть дома (были такие причины) и жил, собственно говоря, в Редакции; ² я усиленно просил швейцара, горничную мою (?) просить дать Ваш адрес; но, увы, очевидно они это не сделали, и я не знал, где Вас искать; а говорить с Вами, видеть Вас так хотелось; так многое, многое надо было Вам передать; хотя бы о прошлогоднем инциденте с книгой; ³ если бы Вы услышали от меня кое-что, Вы бы поняли, что большинство «мусажетцев» в этом неповинны, что у нас весьма сложные отношения 1) к редактору, ⁴ 2) к некоторым членам Редакции из философов, 3) к Издателю в смысле принятой, как обязательство, программы; ⁵ мы могли лишь выполнять за много месяцев намеченное и быть автономны в проведении программы (в частности), но мы не могли изменить ничего с Вашей книгой (в частности Эллис, ⁶ я, Петровский, Кожебаткин (наш секретарь)); ⁷ также впоследствии отказали мы Гиппиус, ⁸ как и впоследствии, вероятно, придется многое урезывать в смысле желаний. Написать о Вас теоретическую книгу, хвалебную статью было бы легче, нежели Вас напечатать (в силу создавшегося положения, которого не объяснишь, без долгого разговора с глазу на глаз). Ну, да — верю, Вы мне поверите...

Всегда помню, люблю, верю Вам, дорогой Алексей Михайлович; страшно хочу видеть Серафиму Павловну... А наше путешествие к «ноидам» — не состоялось?...⁹ Я лето проводил в стране «вампи-ров» у подножия Карпат; видел и всадника на Карпатах,¹⁰ и ляхов, и жидов; многое интересного на Волыни; вот бы Вам туда; подавляет прошлое (Карл XII,¹¹ Запорожская и польская старина, клады); интересное и настоящее: *Союз Русского Н(арода)*,¹² Почаев, монах Виталий¹³ и пр.

Многое хотелось бы написать, но прощайте: Христос с Вами. Любящий Вас и преданный всегда

Борис Бугаев.

Р. С. Мусagetские книги пришлем на днях; пока посылаю Вам «Голубя»¹⁴ да «Луг Зеленый». Пришлите мне новую Вашу книгу рассказов.¹⁵ Недавно долго говорили с М. О. Гершенсоном о вас;¹⁶ он в восторге от того, что Вы ему читали.

¹ Написано на бланке книгоиздательства «Мусaget» (Москва, Пречистенский бульвар, д. 31, кв. 9). Ответ на п. 29; датируется по связи с ним.

² Подразумевается редакция издательства «Мусaget». Белый избегал бывать тогда дома (Арбат, Никольский пер., д. 21, кв. 7) из-за конфликта с матерью, А. Д. Бугаевой, отрицательно относившейся к его союзу с А. А. Тургеневой. В «Материале к биографии» Белый пишет о сентябре 1910 г.: «...тяжелые разговоры (...) с мамой о том, что я отныне с Асей, и что с мамой я уже не буду жить» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 58 об.).

³ Имеется в виду книга рассказов Ремизова, не принятая «Мусagetом» к печати (см. п. 25—27).

⁴ Имеется в виду Э. К. Метнер.

⁵ Собственно издателем, т. е. лицом, финансировавшим «Мусaget», была анонимно выступавшая в этой роли Ядвига (Хедвиг) Фридрих, жительница Пильница (близ Дрездена) и близкий друг Э. К. Метнера, получившая незадолго до основания «Мусagета» большое наследство. О программных установках «Мусagета» (сначала задуманного как журнал) Метнер писал Эллису 26 августа 1909 г.: «Направление журнала (по желанию издателя) должно быть германофильское (в широком неполитическом, нефанатическом, культурном смысле слова) и отнюдь не враждебное Вагнеру; вот и все» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 13). Подробнее см.: Безродный М. Из истории русского германофильства: издательство «Мусaget» // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год / Под ред. М. А. Колерова. М., 1999. С. 157—198.

⁶ Поэт, переводчик, критик, религиозный публицист Эллис (наст. имя — Лев Львович Кобылинский; 1879—1947) входил, наряду с Э. К. Метнером и Андреем Белым, в круг лиц, определявших идейное направление и издательскую практику «Мусagета».

⁷ Александр Мелетьевич Кожебаткин (1884—1942) — секретарь издательства «Мусaget» в 1909—1912 гг., руководитель московского издательства «Альциона» (1910—1923), библиофил. О его взаимоотношениях с Белым см.: «Кожебаткин!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!»: Письма Андрея Белого к А. М. Кожебаткину / Предисл., публ. и коммент. Дж. Малмстада // Лица: Биографич. альм. СПб., 2004. Вып. 10. С. 127—176.

⁸ Поскольку книга стихотворений З. Н. Гиппиус к тому времени вышла в свет в издательстве «Мусaget» (см. примеч. 2 к п. 25), в данном случае, вероятно, подразумевается какое-то другое издательское предложение.

⁹ Подразумеваются нойды — лапландские колдуны. Весной 1910 г. Ремизов и М. М. Пришвин планировали совершить совместную поездку в Лапландию. См.: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову // Русская литература. 1995. № 3. С. 173—175. В «берлинской» редакции воспоминаний «Начало века» (1922—1923) Белый отмечает, что Ремизов «много рассказывал интересного о лапландских кудесниках, нойдах» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 11. Л. 227).

¹⁰ Образ из повести Гоголя «Страшная месть» (1832) — всадник на Карпатах, несущий смерть колдуну (см.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. I. (Л.), 1940. С. 272, 278, 282). Ср. интерпретацию Белым этого образа в «Воспоминаниях о Блоке» (1922) (Белый Андрей. О Блоке. С. 413—415). В июле — августе 1910 г. Белый жил в Боголюбых, имении в Волынской губ. (близ Луцка).

¹¹ Карл XII (1682—1718) — король Швеции (с 1697 г.) из династии Пфальц-Цвайбрюккен, полководец; в ходе Северной войны 1700—1721 гг. предводитель шведских войск, вступивших в 1708 г. на территорию Российской империи и потерпевших поражение в 1709 г. в Полтавской битве.

¹² «Союз русского народа» — созданная в ноябре 1905 г. черносотенная организация (руководители — А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков).

¹³ Виталий (в миру Василий Иоаннович Максименко; 1873—1960) — с 1908 г. архимандрит Почаевской лавры в Волынской губ.; руководитель Почаевского отдела «Союза русского народа» с момента его образования в 1906 г. до февраля 1917 г.

¹⁴ Отдельное издание романа Андрея Белого «Серебряный голубь» (М.: Скорпион, 1910), вышедшее в свет во второй половине мая 1910 г.

¹⁵ Имеется в виду, вероятно, книга Ремизова «Рассказы» (СПб.: Прогресс, 1910), вышедшая в свет в ноябре 1909 г.

¹⁶ Михаил Осипович Гершензон (1869—1925) — историк русской литературы и общественной мысли, публицист, философ, переводчик. О его взаимоотношениях с Белым см.: Переписка Андрея Белого и М. О. Гершензона / Вступ. ст., публ. и коммент. А. В. Лаврова и Джона Мальмстада // In memoriam: Ист. сб. памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 231—276.

31. Ремизов — Андрею Белому

Петербург. 5 октября 1910 г.¹

5 ок(ября) 1910.

Таврическая 3 в, кв. 23.

Дорогой Борис Николаевич!

Получил Ваши книги, спасибо. Гершензону я ничего не читал, он без меня читал моих Крестовых сестер.² О них он Вам и говорил.. Чудак вы, чуда-ак! Вот как подумаю о Вас, так и вижу: Бог знает, только не из дома, не с улицы, а откуда-то с разбегу на коньках прикакитились (так!) вы и в дом и на улиц(у). «Крестовых сестер» Вам посылаю (*Альманах XIII Шиповника*, стр. 159—297).

В конце октября или в начале ноября выйдет I том сочинений моих. (Неуемн(ый) буб(ен), Слоненок, Царевна Мымра, Чертик, Занофа, Суд Божий, Жертва, Мака, Таинственный Зайчик).³ Я Вам, само собою, пришлю тотчас же по выходе.

Читали в У(тре) Р(оссии) о Вячеславе Ивановиче.⁴ Очень хорошо написана. В статье о Венделе⁵ мне лично не нравится манера, мне

кажется, «дурковатого тона» не надо. Я понимаю «дурковатый» тон, но в себе его не люблю.

А о Мусагете вот что скажу Вам. Мне тогда весной очень горько было. Я получил отказ из всех книгоиздательств, и уж не знал, куда обращаться. Но я понимаю, могу все понять (думаю так) в делах деловых. Сердца у меня против Мусажета нет никакого, а против Вас никогда не было.

Теперь меня принял Шиповник, и понемногу будет издавать сочинения (пока в 6 томах).⁶

Всего Вам хорошего. А мы на Оландских островах были (в Балтийском море), на необитаемом острове (Wandrock'e) прожили 22 дня.⁷ Все мне хочется о Нойдах написать — они должны составить главу моей поэмы «К Морю-Океану».⁸ Серафима Павловна кланяет(ся). Очень ей понравилась статья о Вячеславе Ивановиче, очень правильно, очень верно.

А. Ремизов.

¹ Ответ на п. 30.

² Роман Ремизова «Крестовые сестры» был опубликован в кн. 13-й «Литературно-художественных альманахов издательства «Шиповник»» (СПб., 1910), вышедшей в свет (согласно сообщению в письме Ремизова к И. А. Рязановскому от 18 сентября 1910 г. — РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 31) 17 сентября 1910 г.

³ В том 1-й Сочинений Ремизова, выпущенный в свет издательством «Шиповник» в ноябре 1910 г. (договор на это издание был подписан 10 октября 1910 г. — РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 129. Л. 9—10), из перечисленных произведений не вошли «Мака» и «Таинственный зайчик» (первое было напечатано в составе тома 5-го в 1911 г., второе осталось за пределами издания).

⁴ Подразумевается очерк Андрея Белого «Вячеслав Иванов. Силуэт» (Утро России. 1910. 2 окт. № 263. С. 2); вошел в книгу Андрея Белого «Арабески» (М.: Мусажет, 1911. С. 468—474).

⁵ Имеется в виду очерк Белого «Великий лгун» (см. примеч. 5 к п. 29). Под именем ученого-филолога Степушки Венделя в нем был изображен Михаил Александрович Эртель, участник кружка «аргонавтов», объединявшегося в середине 1900-х гг. вокруг Белого и Эллы. См. главки «Мишенька Эртель» и «Великий лгун» в воспоминаниях Андрея Белого «Начало века» (М., 1990. С. 76—87).

⁶ Издание Сочинений Ремизова в издательстве «Шиповник» было осуществлено в восьми томах с ноября 1910 г. по октябрь 1912 г.

⁷ На острове Вандрок, одном из Аландских островов в Балтийском море, Ремизовы жили вместе с Ивановым-Разумником и его женой; ср. запись Ремизова: «30 июля — 20 августа. Аландские острова (Финляндия) о. Нагу, о. Вандрок (через Або (град Людерев) через Гельсингфорс)» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 14).

⁸ В сказочном цикле «К Морю-Океану», впервые сформированном в томе 6-м («Посолонь. Сказки») Сочинений Ремизова (СПб.: Шиповник, (1912)), эта тема

отражения не нашла. Повествование о нойдах составило 3-ю часть рассказа Ремизова «Глаголица», впервые опубликованного в газете «Речь» (1911. 25 дек. № 354. С. 2—3) и вошедшего в книгу Ремизова «Весеннее порошье» (СПб., 1912. С. 211—228), а позднее, в новой редакции, в посмертно изданную книгу «Учитель музыки». См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 3: Оказион. М., 2000. С. 221—225, 631—632 (комментарии Е. Р. Обатниной); М., 2002. Т. 9: Учитель музыки. С. 19—21.

32. Андрей Белый — Ремизову *Москва. Между 17 и 24 сентября 1911 г.¹*

Дорогой Алексей Михайлович!

Очень жалею, что Вас не застал: так хотелось повидать Вас и Се-
рафиму Павловну. Был точен: ровно в 12 часов был. Хотелось Вам
передать кое-что; ну да до другого раза.²

Остаюсь искренне преданный

Борис Бугаев

¹ Письмо ранее находилось в скомплектованной Ремизовым подборке писем к нему за 1911 г. (эти подборки расформированы архивистами в 1970-х гг. при окончательном разборе и описании документов из фонда Ремизова в РНБ). В 1911 г. Белый в Петербург не приезжал; во время его пребывания в Москве Ремизов, согласно регистрационным записям последнего, находился там в указанные дни сентября (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 15), что и является основанием для датировки.

² Не исключено, что Белый подразумевает свою книгу статей «Арабески» (М.: Мусaget, 1911), вышедшую в свет в марте 1911 г. В РГБ сохранился ее экземпляр, предназначавшийся Ремизову; автограф на шмуцтитуле: «Дорогому и многоуважаемому Алексею Михайловичу Ремизову в знак искренней любви и глубокой преданности от автора» (Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М., 1995. С. 110).

33. Андрей Белый — Ремизову *Петербург. Конец января — февраль 1912 г.¹*

Дорогой Алексей Михайлович!

Завтра с Асей зашли бы к Вам в 5 часов, чтобы повидаться с Се-
рафимой Павловной и с Вами. Можете ли Вы нас принять?

Остаюсь любящий и преданный

Борис Бугаев.

Р. С. Кстати: Вы были столь хороши, что обещали написать письмо в предполагаемый журнал;² если бы случайно оказалось, что есть что-либо ответного, не сообщили бы? Завтра у меня в 2 часа дня решительный разговор со Струве.³ И хотелось бы до разговора знать. Если что есть, не черкнете ли два словечка. Весь Ваш

Борис Бугаев.

От Аси привет Вам и Серафиме Павловне.

¹ Датируется по времени пребывания Белого в Петербурге: вместе со своей гражданской женой, художницей Анной Алексеевной (Асей) Тургеневой (1890—1966) он приехал туда 21 января 1912 г. и поселился в квартире Вяч. Иванова; 28 или 29 февраля возвратился в Москву.

² Вероятно, имеется в виду нереализованный замысел Вяч. Иванова и Е. В. Аничкова, намеревавшихся наладить издание нового журнала, в котором публиковался бы новый роман Белого («Петербург»); представленный (в первоначальной редакции первых четырех глав) в журнал «Русская мысль», он был отвергнут его руководителем П. Б. Струве. Об этом проекте Белый сообщал Э. К. Метнеру в середине февраля 1912 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 55). Подробнее см.: Долгополов Л. К. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Белый Андрей. Петербург. СПб., 2004. С. 554—558.

³ Петр Бернгардович Струве (1870—1944) — экономист, историк, публицист, один из лидеров конституционно-демократической партии; редактор журнала «Русская мысль» в 1907—1918 гг. 2 февраля 1912 г. Струве писал В. Я. Брюсову (заведовавшему тогда литературно-критическим отделом «Русской мысли»): «Спешу Вас уведомить, что относительно романа Андрея Белого я пришел к совершенно категорическому отрицательному решению. Вещь эта абсолютно неприемлема, написана претенциозно и небрежно до последней степени. Я уже уведомил Белого о своем решении (телеграммой и письмом) — я заезжал к нему на квартиру Вяч. Ив. Иванова, но не застал его там» (ИРЛИ. Ф. 444. Ед. хр. 65).

34. Ремизов — Андрею Белому
Петербург. 19 декабря 1912 г. / 1 января 1913 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Это Вам Михаилу Иванович Терещенко.¹

Я его очень люблю, и хотел бы, чтобы и Вы его полюбили.

До свидания.

А. Ремизов.

Таврическая 3 в, кв. 23.

19 XII 1912

1 I 1913

¹ Михаил Иванович Терещенко (1886—1958) — капиталист-сахарозаводчик, общественно-политический деятель (в 1917 г. министр финансов, затем министр иностранных дел Временного правительства), владелец (совместно с сестрами) петербургского издательства «Сирин». В трех сборниках «Сирин» в 1913—1914 гг. был впервые опубликован роман Андрея Белого «Петербург». Встреча Белого и Терещенко (в ходе которой, видимо, и было передано настоящее письмо) состоялась в Берлине между 19 и 21 января (1 и 3 февраля н. ст.) 1913 г. (см.: *Белый и Блок. Переписка*. С. 481, 490); в ходе ее обсуждались условия публикации в «Сирине» романа «Петербург» и других произведений Белого.

35. Андрей Белый — Ремизову

Берлин. 4/17 февраля 1913 г.¹

Дорогой, милый Алексей Михайлович!

Огромное Вам спасибо за книгу.² Простите, что не сразу ответил на Ваше хорошее письмо:³ мы слушали с Асенькой в те дни лекции с утра до вечера, а потом готовились к свиданию с Доктором Штейнером;⁴ а это — жутко, страшно: Доктор добрый, но строгий. Милый, милый, хотел бы Вас видеть. Христос с Вами! Сер(афиме) Павловне привет. От Аси Вам и Сер(афиме) Павловне привет.

Адрес наш: Berlin. Scharlottenburg. Lutherstr(aße) 27. Pens(ion) Wegner.⁵

Книгу читаю с удовольствием.

¹ Открытое письмо с фотографией: Motzstrasse, Ecke Viktoria Luise-Platz. Датируется по почтовому штемпелю: Berlin W 17. 2. 13.

² Вероятно, имеется в виду 8-й, заключительный том Сочинений Ремизова («Русальные действия»), вышедший в свет в конце 1912 г. под маркой издательства «Сирин» (выкупившего у издательства «Шиповник» права на печатание книг Ремизова).

³ Это письмо Ремизова нам неизвестно.

⁴ Рудольф Штейнер (1861—1925) — австрийско-немецкий философ-окультист, основатель и руководитель Антропософского общества. В 1912 г. Белый и А. Тургенева стали последовательными приверженцами его учения. В декабре 1912 г. — январе 1913 г. они слушали в Берлине курс лекций Штейнера «Жизнь между смертью и новым рождением в соотнесенности с космической реальностью», с 28 декабря 1912 г. по 1 января 1913 г. в Кёльне — его же курс «Бхагавадгита и послания апостола Павла». В регистрационном перечне «Свидания с Доктором» в рубрике «1913 год» Белый указывает: «8-ое свидание. 15 февраля. Краткое. Разговор о поездке в Россию и об Асе. Доктор присоединил нечто к медитации» (Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Ист. альм. Paris, 1990. Вып. 9. С. 472).

⁵ Белый и А. Тургенева прожили в Берлине с 30 ноября (н. ст.) 1912 г. до 11 марта (н. ст.) 1913 г.; около недели в конце декабря — начале января провели в Кёльне.

36. Андрей Белый — Ремизову *Боголюбы. Середина апреля 1913 г.¹*

Глубокоуважаемый и милый милый Алексей Михайлович!
Громадное спасибо за книгу,² за подарок к Светлому Дню.
Воистину воскрес!

Книгу Вашу прочел, не прочел, а проглотил. «Пятую Казнь» еще никогда не читал.³ Она меня глубоко потрясла. Как открыл, так и не мог оторваться.

Это — что-то колоссальное, чем гордиться может наше десятилетие литературы.

«Вехи» русской литературы, которые потом будут критикою превращены в шоссейные дороги среди пустырей; среди пустырей обозначаются для меня редко, редко подобные произведения. Так для меня было с «Куликовым Полем» Блока,⁴ с «Толстой и Достоевский» Мережковского когда-то,⁵ с Вашей повестью, читанною Вами в Академии Поэтов в 1910 году;⁶ можно сказать, что «Пятая Казнь» есть то, чем будет гордиться период 1910—1913 года. За этот период времени ничто меня не потрясло так, как «Пятая Казнь», разве только когда-то «Куликово Поле». «Куликово Поле» и «Пятая Казнь» произведения вещие. Спасибо, спасибо не только за память и за книжку, но спасибо еще за «Пятую Казнь». Если только управлюсь скоро с романом, непременно напишу о ней статью в «Трудах и Днях»,⁷ ибо она — событие.

Милый Алексей Михайлович, надеюсь увидеться с Вами и с Серафимой Павловной скоро, в Петербурге, если еще там будете (мы будем мая 11—12-го).⁸ Если нет, то... увидимся же где-нибудь!..

Милый, дай Бог Вам тишины, труда. И Бог дай Вам еще «Пярых Казней».

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

От нас с Асей привет Вам и Серафиме Павловне.

Р. С. Никому не говорите, что мы будем в Петербурге: мы стали дикарями, и никого видеть не хотим.

¹ Датируется по пасхальному поздравлению в письме (Пасха в 1913 г. — 14 апреля). Белый и А. Тургенева жили в Боголюбах (Волынская губ.) с марта по первую декаду мая 1913 г.

² Книга Ремизова «Подорожие» (СПб.: Сирин, 1913).

³ Белый ошибочно называет так повесть Ремизова «Пятая язва», входящую в книгу «Подорожие» и впервые опубликованную в кн. 18 «Литературно-художественных альманахов издательства „Шиповник“» (СПб., 1912. С. 109—201).

⁴ Цикл стихотворений А. Блока «На поле Куликовом», впервые опубликованный (под заглавием «На Куликовом поле (стихи)») в кн. 10 «Литературно-художественных альманахов издательства „Шиповник“» (СПб., 1909. С. 273—278), Белый прочитал впервые летом 1910 г.; о глубоких переживаниях, вызванных тогда этим циклом, он написал в «Воспоминаниях о Блоке» (1922). См.: *Белый Андрей*. О Блоке. С. 357—358. Цикл «На поле Куликовом» послужил для Белого одним из стимулов к восстановлению отношений с Блоком, разорванных в начале мая 1908 г. (см.: *Белый и Блок. Переписка*. С. 367—369).

⁵ Книга Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия» была впервые опубликована в журнале «Мир Искусства» в 1900—1902 гг., в течение 1900-х гг. выходила четырьмя отдельными изданиями. Вспоминная в «Материале к биографии» об осени 1900 г., Белый отмечает: «... нас всех захватывает все больше печатающееся произведение Мережковского „О Толстом и Достоевском“» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 15—15 об.).

⁶ Академия поэтов — Общество ревнителей художественного слова, собиравшееся в редакции журнала «Аполлон». Имеется в виду собрание, посвященное чтению повести Ремизова «Неумный бубен» (см. примеч. 2 к п. 26).

⁷ «Труды и дни» — журнал издательства «Мусагет», выходивший с 1912 г. (в 1913—1916 гг. — в виде неперіодических выпусков). См.: *Лавров А. В.* «Труды и дни» // *Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания*. М., 1984. С. 191—211. Статью о «Пятой язве» Белый не написал. Под романом подразумевается «Петербург», заверченный Белым в ноябре 1913 г.

⁸ Белый и А. Тургенева прибыли в Петербург 11 мая 1913 г. (см. дневниковую запись Блока за этот день — VII, 250) поездом в Гельсингфорс, куда они направлялись слушать цикл лекций Р. Штейнера. С Ремизовыми встреча тогда не могла состояться: май — июль 1913 г. они провели за границей.

37. Ремизов — Андрею Белому

Петербург. 6/19 мая 1916 г.¹

6/19 мая 1916 г.

Песочная, 8, кв. 3.

Алексей Михайлович Ремизов.

Дорогой Борис Николаевич

Давно я хотел вас попросить о стихах. Пришлите мне, сколько можете, благотворительных сборников у нас тут много выходит и всякий раз просят чего-нибудь.² Я и надумал, ч(то)б(ы) вы мне дали, а я раздам куда надо. Только пишите появственнее.

А если есть какая критика, и критику можно.

Часто вспоминаем вас

со всею любовью и душою.

Анне Алексеевне кланяюсь.

От Серафимы Павловны вам обоим поклоны.

А пришлите стихи, не откладывая в долгий ящик: дорога дальняя.

Всего вам хорошего.

Алексей Ремизов.

Сейчас говорил с Александром Александрович(ем).³ Он говорит, ч(то)б(ы) я попросил у вас отрывки какие из романа вашего. Ну, отрывков присылайте!⁴

¹ Отправлено в Дорнах (Швейцария); почтовые штампы: Пг. 7. 5. 16; Dornach. 18. VI. 16.

² Откликнулся ли Белый на просьбу Ремизова, неизвестно: стихотворных публикаций, которые можно было бы соотнести с этим запросом, не зафиксировано. Ремизов ранее участвовал в формировании «благотворительного» сборника «Пряник осиротевшим детям» (Пг., 1916); см. его письмо к Блоку от 7 марта 1916 г. (ЛН. Т. 92, кн. 2. С. 121. Публ. А. П. Юловой).

³ А. А. Блок. Ремизов и у него запросил стихи для «благотворительного сборника» (см. записи Блока от 7 и 8 мая 1916 г. — ЗК, 298).

⁴ Имеется в виду роман Белого «Котик Летаев», впервые опубликованный в полном объеме в сб. 1 и 2 «Скифы» (Пг., 1917—1918). Отрывки из романа были напечатаны в «Биржевых ведомостях» 2 мая 1916 г. — до запроса Ремизова — и позднее, в ноябре — декабре 1916 г., в «Русских ведомостях» — по непосредственному запросу к Белому от редакции (см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 81—83). Других предварительных публикаций не было.

38. Ремизов — Андрею Белому
Петроград. Не ранее середины ноября 1916 г.¹

Наш адрес, по которому письма писать и книги посылать:

П(етер)бург
 Кронверкский просп. 23, кв. 24
 Ф. И. Щеколдину²
 для А. М. Ремизова

Пришлите Вашу книгу о д(окто)р(е) Штейнере.³

Алексей Ремизов

¹ Текст представляет собой, вероятно, либо дополнение на отдельном листе к несохранившемуся письму, либо записку, вложенную в отправленную Белому книгу. Датируется по времени выхода в свет упоминаемой в тексте книги Белого.

² Федор Иванович Щеколдин (1870—1919) — в прошлом социал-демократ, один из близких друзей Ремизова, знакомый с ним по усть-сысольской ссылке с 1901 г.; по словам Ремизова, зафиксированным в газетном интервью, «милый, старообрядческий начетник, знаток своего дела» (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1913. 21 авг. № 13710). См. о нем: *Дворникова Л. Я.* Из истории прототипов книги А. Ремизова «Иверень»: (Ф. И. Щеколдин) // Алексей Ремизов: Исслед. и материалы. СПб., 1994. С. 231—237. Ремизов указывает адрес Щеколдина, видимо, потому, что сам он в это время (с 24 октября по 6 декабря и 14—15 декабря 1916 г.; см.: ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. б. Л. 4) находился в Клиническом военном госпитале на обследовании (см. письмо Ремизова к С. Я. Осипову от 30 октября / 12 ноября 1916 г. — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 229. Публ. Е. Р. Обатниной).

³ Книга Андрея Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том „Размышлений о Гете“» (М.: Духовное знание, 1917) вышла в свет в середине ноября 1916 г.

39. Андрей Белый — Ремизову
Царское Село. 17 февраля 1917 г.¹

17 февраля 17 года.

Дорогой Алексей Михайлович,

что за несчастье! Опять вторично простудился: всё недосиживаю дома; эти выезды в Петроград по морозу с возвращением ночью домой, да еще в моей шубе, сиденье в ней в теплых вагонах и потом выход на холод простужают. После лекции как вернулся, почувствовал себя опять больным.² Чтобы не схватить воспаления,

должен основательно отсидеться: отрывочек мой не вполне годится: высылаю стих — какой есть.³ Буду у Вас непременно, но тогда, когда простуда отпустит: очень уж трудно у Вас по Петрограду передвигаться: стояла бы мягкая погода, было бы легче. Серафиме Павловне привет. Скоро — надеюсь — свидимся.

Остаюсь искренне преданный и любящий Вас кавалер «Обезьяньего знака»⁴

Борис Бугаев

¹ Белый жил в Царском Селе в квартире Иванова-Разумника с 31 января по 8 марта 1917 г., бывая наездами в Петрограде. Слева от текста письма — помета Ремизова: «18 II» (дата получения).

² Накануне, 16 февраля, Белый выступал в Петрограде на заседании Религиозно-философского общества с лекцией «Творчество мира» (*Белый Андрей. Жизнь без Аси* // РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 1). Ср. сообщение в письме Белого к Ф. Сологубу от 17 февраля 1917 г.: «Вернувшись домой с лекции, почувствовал себя простуженным, и если не сумею поправиться к послезавтра, то придется высиживать „карантин“ в Царском» (*Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи. С. 375*).

³ Возможно, речь идет о стихотворении «Искра» («Я засыпал... Стремительные мысли...», 1914), опубликованном в альманахе «Страда» (Кн. 2. Пг., 1917. С. 84), который вышел в свет в мае 1917 г.; под заглавием «Дух» вошло в книгу Андрея Белого «Звезда» (Пб., 1922. С. 41).

⁴ Белый числился членом основанного Ремизовым шуточного фантастического общества «Обезьянья Великая и Вольная Палата» («Обезвельволпал»), участники общества получали от Ремизова особые рисованные грамоты и знаки (всесторонний анализ этого феномена — в кн.: *Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах*. СПб., 2001). 24 января 1917 г. Ремизов изготовил Белому «обезьяний знак первой степени с хвостом» со свидетельством: «Борису Николаевичу Бугаеву Андрею Белому за претерпение ратное, за стихи, еще не полученные, обезьяний знак первой степени с хвостом дан для ношения. 24 I 1917. Алексей Ремизов» (Там же. С. 338; на вклейке — цветное воспроизведение обезьяньего знака и свидетельства).

40. Ремизов — Андрею Белому

Петроград. 3 апреля 1917 г.

Второй день Пасхи.

1917 г. 3 апр(еля).

Смутное время.

Дорогой Борис Николаевич
Христос Воскрес!

Это Бурлюк Николай Давидович, примите его и поговорите с ним.¹ Знал я его еще маленьким, когда он ходил с подвязанным горлом, теперь вот какой вырос.²

Пишет он прозу хорошо, у меня есть его рассказ, «Телок» называется, очень хороший.³

До свидания.

А. Ремизов.

В(асильевский) О(стров). 14 л(иния), 31, кв. 48.

¹ Николай Давидович Бурлюк (1890—1920) — поэт, прозаик, теоретик искусства; младший брат Д. Д. Бурлюка. В апреле 1917 г. Белый жил попеременно в Москве и в Сергиевом Посаде.

² С семейством Бурлюков Ремизов был знаком со времени проживания в Херсоне: в начале ноября 1903 г. он поселился в квартире Д. Д. Бурлюка в доме бунцельмана по Витовской улице (см. письмо Ремизова к П. Е. Щеголеву от 6 ноября 1903 г. — первое с указанием этого адреса // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 178. Публ. А. М. Грачевой). В книге «Кукха» Ремизов отмечает: «С Бурлюками знакомство у нас старинное: мы жили с ними под одним кровом...» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 89); ср. свидетельство Д. Бурлюка в его «Фрагментах из воспоминаний футуриста»: «В 1903 году встретался, или вернее, жил в одном доме с Алексеем Михайловичем Ремизовым, он снимал в Херсоне, в доме моей матушки, комнаты» (Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994. С. 107). 19 декабря 1905 г. Ремизов писал: «Вспоминаю нашу жизнь в Херсоне у Бурлюков. (...) Гимназист Коля, завязанное горло, всякий вечер сонный...» (Europa Orientalis. 1990. Vol. 9. С. 469).

³ Это произведение Н. Д. Бурлюка нам неизвестно.

41. Ремизов — Андрею Белому

Петроград. После 17 августа 1919 г.¹

Кафе поэтов на Тверской²

Есенин Сергей Александрович

Клюев Николай Алексеевич

Каменский Василий Васильевич

Борису Николаевичу кланяюсь,

Прошу его

я послал

им письма:

прошу их

книг³

не окажет ли содействие

получить мне мне (так!) бесплатно

изд. Моск(овского) Пролеткульта⁴

Алексей Ремизов

¹ Эта записка включается в корпус переписки условно: содержит обращение к Белому, но в третьем лице. Датируется по упоминанию письма к С. А. Есенину от 17 августа 1919 г.: «Что же вы забыли обо мне — книжков не присылаете. Всё жду и всё нет» (Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. М., 1995. С. 214).

² Имеется в виду кафе поэтов «Домино» (Тверская ул., д. 13). См. сводку мемуарных свидетельств о нем в кн. «Литературные кафе Москвы и Петербурга: Фрагменты из книг. Библиография» (М., 1992. С. 5—7), а также: Литературные кафе 20-х годов (Из воспоминаний И. В. Грузинова «Маяковский и литературная Москва») / Публ. И. И. Аброскиной // Встречи с прошлым. М., 1978. Вып. 3. С. 174—192.

³ Подразумеваются книга Николая Алексеевича Ключева (1884—1937) «Медный кит (Стихи)» (Пг., 1919) — просьбу к Ключеву о ней Ремизов передавал в цитированном выше (примеч. 1) письме к Есенину, — а также, видимо, книги «Сельский часослов. Поэмы» С. Есенина (М., (1918)) и «Стенька Разин. Коллективное представление в 9 картинах» В. Каменского (Пг.; М., 1919).

⁴ Андрей Белый был сотрудником Московского Пролеткульта с октября 1918 г. по май 1919 г., прекратил сотрудничество в августе 1919 г.

42. Ремизов — Андрею Белому

Берлин. 23 декабря 1921 г.

Борису Николаевичу Бугаеву	23 XII
Андрею Белому	1921
председателю волфилов ¹	Kirchst(ra)ße. 2 II
и кавалеру обез(ьяньего) зн(ака) I степени	bei Delion
обезвөлволпал. ²	Charlottenburg 1
прошение б. канцеляриста обезвөлволпал	
сделай Божескую милость, напиши Каплунам	
Борису и Софье ³	
о пропавших моих рукописях	
Софье я подробно написал	
Рукописи мои были отобраны в Ямбурге	
4 VIII в дипломатическом вагоне	
у б. председателя эстонской контрол(ьной) комиссии	
Орга ⁴	
Пишу всем, прошу, не отдают: ничего в них политического нет	
Среди рукописей мой роман «Ров львиный» (1914—1917)	
и нету копии ⁵	
Софье напиши, ч(то)б(ы) приставала к Борису	
а к Борису сам пристань	
По гроб жизни не	
позабуду	

Алексей Ремизов

И еще, может быть, сделать так:

«Ров львиный» несколько глав я читал в Волфиле

с Разумниковым предисловием⁶

если бы Берлинскому отделению волфилы

обратиться к

петерб(ургским) и моск(о)в(ским) волфил'ам

или этого не стоит делать?

Реестр пропавших рукописей,

отобранных 4 VIII

в Ямбурге у Орга:

1) «Ров львиный» (1914—1917) 10 печ. листов, рукопись и 2 копии машинных

2) Неокончен(ные) мои сказки китайские и рассказы ежиные

3) Записная книга (1914—1921)

4) письма В. В. Розанова⁷

5) письма мои к С. П. Ремизовой, кончая 1915 г.⁸

6) письма писателей (1905—1917)

7) венецианская книжка маленькая с моими Записками

8) мое метрич(еское) свид(е)т(ельство)

9) Сети Кузмина⁹

10) Царь Додон, сказка, имен(ной) экз(емпляр) Л. Бакста.¹⁰

⁶ Андрей Белый был избран председателем Вольной Философской Ассоциации (Вольфилы) в 1919 г.; по приезде в Берлин 18 ноября 1921 г. он принял участие в организации берлинского отделения Вольфилы и также возглавил его. Подробнее см. раздел «Берлин. 1921—1922», подготовленный В. Г. Белоусом совместно с Е. Обатниной, в кн.: Белоус Вл. Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация): 1919—1924. М., 2005. Кн. 2. С. 233—349.

⁷ См. примеч. 4 к п. 39.

⁸ Борис Гитманович Каплун (1894—1937) и его сестра Софья Гитмановна Каплун (в замужестве Спасская; 1901—1962), член-соревнователь и заведующая кружками Вольфилы. Б. Г. Каплун, сотрудник управления Петроградского Совета, большевик, был, по свидетельству Н. И. Гаген-Торн в ее очерке о Вольфиле, «меченатом и радетеlem Вольфилы» (Вопросы философии. 1990. № 4. С. 90). См. о нем в примечаниях А. Л. Дмитренко к воспоминаниям О. Л. Грудцовой (Минувшее: Ист. альм. М.; СПб., 1996. Вып. 19. С. 124—125), а также: Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 230.

⁹ Альберт Георгиевич Орг — представитель Эстонской оптационной комиссии в Петрограде; содействовал переправке за границу рукописей Ремизова, эмигрировавшего из Петрограда 5 августа 1921 г. О его контактах с Ремизовым см.: Доценко С. А. М. Ремизов в Эстонии: начало эмиграции // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Таллинн, б. г. Т. II. С. 189—190.

⁵ Роман «Ров львиный» (другие авторские заглавия — «Плачущая канава», «Канава») при жизни Ремизова публиковался в периодике 1920-х гг. и в 1950-х гг. фрагментами, в полном объеме впервые — в кн.: *Ремизов А. М. Избранное / Сост., примеч., послесл. А. А. Данилевского. Л., 1991. С. 389—546.* В книге «Петербургский буерак» Ремизов сообщает: «Единственный экземпляр, рукопись „Плачущая канава“, пропала. Взялся ее перевезти за границу один добрый человек, на границе обыск, а вез он драгоценности, и моя рукопись у него под жемчугами, жемчуг забрали, а с жемчугом и рукопись прощайте. Прошу Горького похлопотать. (...) И как спасал когда-то Горький неизвестных, спас он и рукопись (...) мне ее вернули из Москвы — мою жемчужную „Канаву“» (*Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 281—282.* Ср. аналогичную дневниковую запись Ремизова от 22 декабря 1956 г. в кн.: *Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, (1959). С. 303—304.* Ремизов получил обратно конфискованные рукописи вместе с сопроводительным письмом А. И. Рыкова от 27 марта 1922 г. (см. комментарии А. М. Грачевой в кн.: *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 4. С. 528*).

⁶ Вечер Алексея Ремизова состоялся в Вольфиле (Чернышева пл., д. 2) 15 июля 1920 г., как сообщалось на афише, «по следующей программе: 1) Вступительное слово Р. В. Иванова-Разумника. 2. Три главы из повести «Ров львиный» прочтет автор...» (*Белоус Вл. Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация). 1919—1924. Кн. 2. С. 70—71*).

⁷ Имеется в виду оформленный Ремизовым альбом с подлинными письмами В. В. Розанова, хранящийся ныне в архиве библиотеки Гарвардского университета (Кембридж, Массачусетс); см. его описание в комментариях Е. Р. Обатниной в кн.: *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 525—526.* Документы из этого альбома составили основу книги Ремизова «Кукха. Розановы письма» (Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1923).

⁸ На основе этих документов Ремизов составил рукописную книгу «На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло», ныне опубликованную А. д'Амелия (см.: *Europa Orientalis. 1985. Vol. 4. С. 143—190; 1987. Vol. 6. С. 237—310; 1990. № 9. С. 443—498*).

⁹ «Сети. Первая книга стихов» М. Кузмина вышла к тому времени двумя изданиями: 1-е — М.: Скорпион, 1908; 2-е — Пг.: Изд. М. И. Семенова, 1915 (Собр. соч. Т. 1).

¹⁰ Сказка «Царь Додон» впервые была опубликована в книге Ремизова «Заветные сказки» (Пб.: Алконост, 1920). Имеется в виду именной экземпляр неосуществленного издания сказки, готовившегося с иллюстрациями Льва Самойловича Бакста (наст. фам. — Розенберг; 1866—1924); ср. сообщение в письме Ремизова к О. Маделунгу от 1/14 марта 1908 г.: «Готовится (...) в 25 экз. с рис. Бакста сказка о царе Додоне и дочери его Алене» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. П. Альберга Енсена и П. У. Мёллера. Copenhagen, 1976. С. 45). В письме к И. А. Рязановскому от 21 сентября / 4 октября 1912 г. Ремизов, говоря об издании «Царя Додона» в 25 именных экземплярах, упоминает в перечне 20 лиц, которым следует послать экземпляры, Бакста (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 31). См. также комментарии И. Ф. Даниловой в кн.: *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2. С. 679, 683.*

Выполнил ли Белый просьбы, содержащиеся в письме Ремизова, неизвестно, однако существенно, что он прибег вскоре к помощи Ремизова в аналогичном случае — пытаясь отыскать и вернуть собственные пропавшие творческие рукописи. В архиве Ремизова сохранился машинописный текст (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4.

Ед. хр. 40) — доверенность Белого, выданная Ремизову и латышскому скульптору Карлу Францевичу Залиту (Carlis Zale; 1888—1942), с пояснительной запиской (рукой Ремизова): «Доверенность Андрея Белого (Бориса Николаевича Бугаева). Рукописи пропали бесследно с чемоданом, а кто его перевозил, сгинул и сыскать невозможно: такого имени нет и не было ни в Риге и нигде». Текст документа:

Доверенность

В 1921 году, в феврале месяце, в Москве был представитель Латвийского издательства, фамилии которого я не знаю, ибо все переговоры шли через Михаила Андреевича Осоргина; этот представитель Латвийского издательства, связанного с Государственным издательством Латвии, собрал ряд рукописей русских писателей для издания их в Латвии; между прочим, он взял у меня на три печатных листа текста рукописи моей «Эпопеи», рукопись сборника стихотворений «Звезда» и рукопись (unicum) исследования «Лев Толстой и Культура» (от 4-х до 5-ти печатных листов). Он обещался в течение 2-х месяцев издать мою рукопись о Толстом и стихи «Звезда». За все 7,5 печатных листов текста я получил авансом 700.000 советских рублей. С тех пор прошло 10 месяцев; мы, москвичи, не имели никакого сведения о забранных у нас рукописях. В частности: моя рукопись «Лев Толстой и Культура» есть уникум, копии у меня нет. При проезде через Латвию в Берлин меня выгнали из Латвии при посредстве городского: письмо рекомендательное к Мееровичу, данное мне в России и пересланное через Литовское консульство, я не мог вовремя предъявить. Выгнанный из Латвии, я не мог навести справки о моем издателе. Рукописи «Толстой и кризис культуры» у меня нет. Поэтому я хотел бы: 1) знать о судьбе ее, 2) получить причитающиеся мне за эту рукопись деньги. Мой адрес в Берлине: Berlin W. Passauerstrasse 3 III bei d'Albert. Herrn Boris Bugaeff (Andrei Biely).

Доверяю все суды и ряды Алексею Михайловичу Ремизову и художнику К. Ф. Залиту.

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев).

12 января 22 года.

В тексте упоминается Зигфридс Анна Меерович (Meierovics; 1887—1925), в 1921—1923 гг. председатель Совета министров Латвии.

Сохранились автограф этого документа и его рукописная копия, выполненная Ремизовым, которые входят в коллекцию Фрица Либа (Автографический отдел общественной университетской библиотеки в Базеле, Швейцария); воспроизведены факсимильно Ф. Ф. Ингольдом в составе его сообщения «Андрей Белый и Алексей Ремизов. Неопубликованные материалы „библиотеки Федора Либа“, Базель» (Wiener slawistischer Almanach. 1987. Bd. 20. S. 182—184).